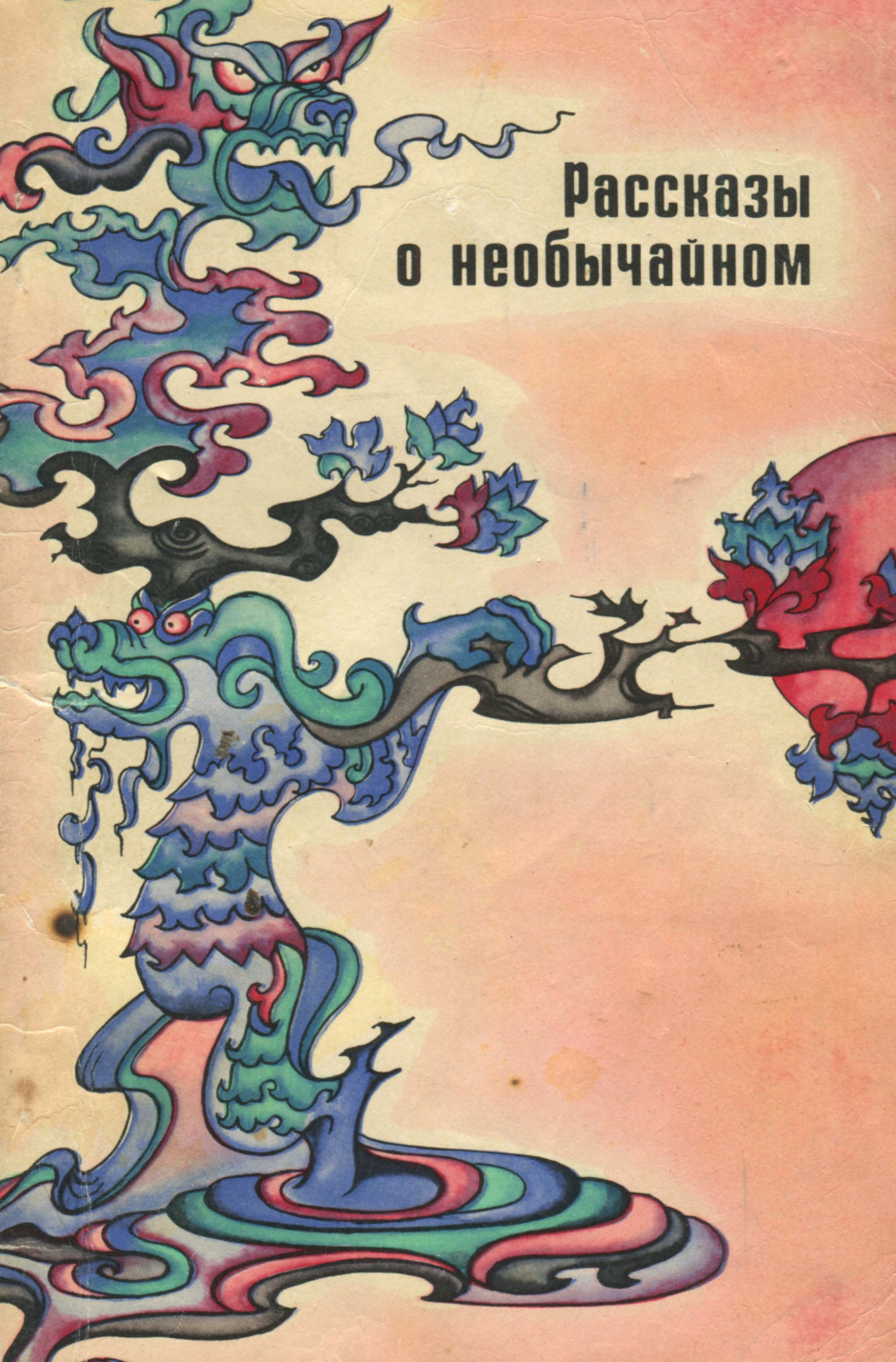

**Рассказы
о необычайном**

Рассказы о необычайном

сборник дотанских новелл

Перевод
с китайского

Издательство
«Наука»
Главная редакция
восточной литературы
Москва 1977

И(Кит)
Р24

Составление и предисловие
А. А. ТИШКОВА

Ответственный редактор
В. Т. СУХОРУКОВ

Р 24 **Рассказы о необычайном. Сборник дотанских по-**
велл. Предисл. А. А. Тишкова. Худож. А. А. Юсу-
пова. М., Главная редакция восточной литературы
изд-ва «Наука», 1977.

111 с. с ил.

В сборник вошли новеллы III—VI вв. Тематика их разнооб-
разна: народный анекдот, старинные предания, фантастический
эпизод с участием небожителя, бытовая история и др. Новеллы
отличаются богатством и оригинальностью сюжета и лаконизмом.

Р 70304-184 186-77
013(02)-77

И(Кит)

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1977.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Одним из основных жанров китайской художественной литературы является новелла. Не эпические песни и поэмы, не драма, не роман, а именно новелла. В этом — одна из характерных особенностей китайской литературы.

На протяжении многих веков новелла питала и сунскую повесть, и юаньскую драму, и цинский роман, всегда оставаясь основой всех этих жанров. В процессе своего развития она знала взлеты — в танскую и сунскую эпохи, — знала и падения (когда эпигоны с большим или меньшим талантом копировали неповторимые шедевры классиков), но потом снова наступал новый взлет и этот угасающий жанр начинал новую жизнь. Затем опять на несколько веков новелла становится добычей эпигонов — вплоть до прихода в литературу основоположника новой, современной китайской словесности — великого писателя и гуманиста Лу Сяня.

Зарождение всякой национальной культуры, в том числе и литературы, неразрывно связано с устным народным творчеством. Естественно, что и истоками китайской литературы являются древнейшие мифы, предания, легенды и сказки.

К сожалению, в китайской литературе, как и во многих других, не было и нет единого мифологического свода, а в сочинениях древних философов и поэтов — Конфуция, Ле-цзы, Чжуан-цзы, Цюй Юаня и других — можно обнаружить лишь фрагменты древних мифов.

Такое небрежение древних авторов к мифологии и вообще к устному народному творчеству уже много раз объяснялось: мифы, предания и легенды, бытовавшие в народе, никем не записывались, ибо это почиталось занятием несерьезным и низким, недостойным уважающего себя ученого или литератора. И все же воздействие древних мифов и легенд было столь велико, что они упоминались и пересказывались, чаще всего очень лапидарно, в сочинениях самых серьезных авторов.

В более поздние времена некоторые любители литературы (среди них были даже императоры) не считали для себя зазор-

ным собирать произведения устного народного творчества; одновременно они извлекали из древних книг отдельные элементы мифов и легенд, складывали из них отдельные эпизоды деяний мифологических героев, зачастую дополняя своей фантазией утраченные навсегда фрагменты и детали.

Разумеется, ко всем компиляциям и комментариям — древним, средневековым и нового времени — исследователь должен относиться весьма критически, поскольку часто фантазия приводила этих поклонников старины к безудержному сочинительству.

Тем не менее благодаря именно этим «старателям» до нас дошли отдельные мифы о стрелке И, о починке небосвода богиней Нюйва, о вероломстве Чан Э и многие другие. Некоторые из них обрели новую жизнь в поэтических произведениях, в пьесах традиционного театра музыкальной драмы и, наконец, под пером Лу Синя в его «Старых легендах в новой редакции». Нарочитая модернизация древних мифов в «Старых легендах» и злободневный подтекст — литературный прием, казавшийся Лу Сяню наиболее удобным и действенным в борьбе, которую он в то время вел.

Лу Синь в своей «Краткой истории китайской повествовательной прозы» называет причины, в силу которых китайские мифы сохранились лишь в незначительных фрагментах. Первая из них явно несостоятельна: капризная природа бассейна реки Хуанхэ, где жили предки китайцев, заставляла, мол, их много трудиться и не оставалось времени на созерцание явлений природы и создание произведений «большой литературной формы». Но создатели произведений устного народного творчества, как правило, во всех странах жили в тяжелых условиях, и тем не менее, например, в Индии, Греции, на Руси были созданы замечательные произведения устного народного творчества, проникнутые оптимизмом, великолепные эпические поэмы. М. Горький по этому поводу говорил: «Очень важно отметить, что фольклору совершенно чужд пессимизм, невзирая на тот факт, что творцы фольклора жили тяжело и мучительно — рабский труд их был обесмыслен эксплуататорами, а личная жизнь — бесправна и незащищена. Но при всем этом коллективу как бы свойственны сознание его бессмертия и уверенность в его победе над всеми враждебными ему силами»¹.

Вторая причина, приводимая Лу Синем, в противополож-

¹ М. Горький, Собрание сочинений в 30 томах, т. 2, М., 1953, стр. 305.

ность первой, весьма убедительна и доказательна: Конфуций и его последователи занимались изучением и разработкой лишь «высоких материй» — этических взаимоотношений в семье и государстве, различных церемониалов, музыки и т. д., а древние мифы и предания в большинстве своем ими решительно отвергались. Лишь позднее, когда конфуцианство стало господствующей идеологией, мифы и предания постепенно стали трансформироваться в историю, и их стали рассматривать как подлинные исторические события.

Известный исследователь китайской мифологии профессор Юань Кэ пишет: «Превращение мифов в историю — одна из основных причин гибели китайских мифов... Историзация мифов, заключающаяся в стремлении очеловечить действия всех мифических персонажей, была главной задачей конфуцианцев. Стремясь привести мифические предания в соответствие с догмами своего учения, конфуцианцы немало потрудились для того, чтобы превратить духов в людей, а для самих мифов и легенд найти рациональное объяснение. Так мифы стали частью традиционной истории. После того как миф записывался на бамбуковых дощечках, его первоначальный смысл искажался, а люди стали доверять только тому, что было записано. И постепенно стали исчезать мифы, передававшиеся из уст в уста»².

Одной из самых ранних книг, в которой помещено довольно большое количество фрагментов и эпизодов древних мифов, является «Шаньхайцзин» («Книга о горах и морях»). На эту книгу ссылаются, ее цитируют многие древние авторы, а также исследователи и комментаторы последующих эпох — вплоть до наших дней.

Об этой интересной книге у нас, к сожалению, нет специальных работ. Краткие упоминания о ней мы можем найти лишь в примечаниях и комментариях к другим работам. Даже профессор Чжэн Чжэнь-до в своей четырехтомной «Истории китайской литературы» уделяет книге всего лишь несколько строк. Высоко оценив памятник, он приводит несколько кратких цитат из него, в том числе и миф о Куа Фу из раздела «Ханвай бэй цзин». Вот отрывок из него: «Куа Фу погнался за солнцем. В пути он почувствовал жажду и напился воды из рек Хуанхэ и Вэйхэ. Этих рек не хватило, чтобы утолить жажду, и он решил попить воды из Большого озера, расположенного на севере. Не добежав до озера, он умер от жажды. Брошенный им посох превратился в лес Дэнлинь».

² Ю а н ь К э, Мифы древнего Китая, М., 1965, стр. 16.

Воздав должное древним мифам, как это делали многие и до него, автор сетует, что «...к сожалению, потомки не придали им достойного блеска»³.

На этом раннем памятнике китайской мифологии следует остановиться несколько подробнее.

Разные части «Книги о горах и морях» создавались в различные эпохи на протяжении почти тысячелетия.

Объем этой книги невелик (не более трех печатных листов), но она оказалась «томов премногих тяжелей». Трудно переоценить значение «Книги о горах и морях» в истории китайской литературы. Ее влияние испытают писатели и поэты всех последующих поколений. Ее хорошо знали (точнее, отдельные ее части, поскольку она, как было уже сказано, составлялась на протяжении многих веков) Конфуций и Чжуан-цзы, Цюй Юань и Тао Юань-мин, поэты из рода Цао и Сыма Цянь и многие другие.

В книге кроме мифологических описаний содержатся и описания гор, рек, морей, а также сведения о том, какие там обитают звери и чудовища, какие есть металлы и минералы и т. д. Описания эти всегда лаконичны и очень часто непонятны не только для нынешнего читателя, но и для древних комментаторов.

Чтобы составить некоторое представление об особенностях этого древнейшего литературного памятника, приведем несколько цитат из разных частей книги.

«В горах Фуюйшань водится зверь, он похож на тигра, имеет хвост буйвола, лает как собака, называют его „чжу“ — кабан, пожирает людей» («Южные горы»).

«В горах Лунхоушань не растут ни травы, ни деревья, много золота и яшмы; воды стекают на восток и вливаются в Хуанхэ. В ней водится много огромных ящеров; у них четыре лапы, голос как у младенца; их едят, чтобы избавиться от слабоумия» («Северные горы»).

В этом небольшом описании — всего 44 знака — есть и пейзаж, и географические сведения, и данные о растительном мире и полезных ископаемых, и сведения о животном мире и народных поверьях.

Упомянем об одном, случайном, разумеется, но любопытном совпадении. В «родословной» Иисуса Христа сказано: «2. Авраам родил Исаака; Исаак родил Иакова; Иаков родил Иуду и брать-

³ Ч ж э н Ч ж э н ь-до, Иллюстрированная история китайской литературы, Пекин, 1957, т. I, стр. 33.

ев его... 16. Иаков родил Иосифа, мужа Марии, от которой родился Иисус, называемый Христос»⁴.

В разделе «Хайнэй цзин» читаем: «Ди-цзюнь родил Юй-хао; Юй-хао родил... Фань-юя, который впервые сделал лодку; Фань-юй родил Си-чжуна; Си-чжун родил Цзи-гуана, который впервые сделал из дерева повозку... Шао-хао родил Баня, который впервые сделал лук и стрелы...»⁵.

Как видим, у евангелиста Матфея оказался — по форме изложения — далекий, неведомый миру предшественник.

Несколько слов следует сказать и о другой древней книге — «Жизнеописании императора Му». В ней содержится много рассказов о чудесах, свидетелем которых выступает император династии Чжоу Му-ван (1001—947 гг. до н. э.). Во время длительных походов и путешествий он побывал в самых отдаленных местах, дошел до Куэньлуня, считавшегося у древних китайцев краем света, и вступил во владения богини Сиванму. Если тысячу лет назад, когда стрелок И пришел к ней за зельем, дающим бессмертие, Сиванму была чудищем «с телом человека, хвостом барса и зубами тигра», то теперь, во время встречи с Му-ваном, у нее вполне привлекательная внешность, и на пиру, устроенном Му-ваном в ее честь, Сиванму произносит изящное стихотворное приветствие.

В «Жизнеописании императора Му» можно найти много увлекательных эпизодов и сцен, в которых уже есть все характерные особенности фантастических новелл позднейших эпох.

Очень забавна новелла — иначе этот отрывок не назовешь — об искусном мастере Я-ши и кукле, которую он сделал. Эта кукла, словно живой человек, разыгрывала различные сценки, пела, танцевала, ни разу не сбиваясь с ритма. И вот однажды она стала подмигивать, и весьма выразительно, наложницам Му-вана, которые были приглашены на это необычное представление. Му-ван рассвирепел, заподозрив обман. Он велел поймать Я-ши и отрубить ему голову. Перепуганный мастер схватил подмигивавшую куклу, отвинтил у нее голову, руки и ноги, вскрыл грудь. И оказалось, что все было сделано из кожи, дерева, лака и искусно раскрашено. Потом мастер снова соединил все части куклы воедино, и опять перед изумленным Му-ваном предстал человек-кукла. Император воскликнул: «Искусство человеческих рук дошло до того, что может состязаться с великой природой!»

⁴ Библия. От Матфея святое благовествование, гл. 1, ст. 2—16, М., 1956, стр. 997.

⁵ «Шаньхайцзин», т. 2, «Хайнэй цзин», стр. 88.

При изучении истории развития китайской новеллы никак нельзя пройти мимо философских книг «Ле-цзы» и «Чжуан-цзы», относящихся предположительно к IV-III вв. до н. э. Эти замечательные памятники философской мысли древнего Китая, особенно «Чжуан-цзы», являются и выдающимися литературными памятниками.

О книге «Чжуан-цзы» академик В. М. Алексеев, тонкий знаток китайской литературы, писал: «Обаяние этой книги притчей... в Китае настолько сильно, что... она никогда не теряла своей власти над китайским умом и до сего времени сохраняют в сознании китайца всю свежесть и все очарование гениального произведения, к которому вовсе не прикоснулся тлен времени»⁶. И действительно, многочисленные притчи, в большинстве своем фольклорного происхождения, являются своеобразными «микронуеллами». Этот жанр развивается и в дальнейшем.

В становлении жанра «жизнеописаний», вошедшего в китайскую новеллистику, неоценимы заслуги «отца китайской истории» — Сыма Цяня (предположительно 145—86 гг. до н. э.). В его гигантском труде — «Исторических записках» («Шицзи»), состоящих из ста тридцати глав, семьдесят глав занимают «Жизнеописания» («Лечжуань»), необычайно интересные в литературном отношении.

Сыма Цянь был не только великим историком, но и замечательным литератором. В «Жизнеописаниях», охватывающих трехтысячелетний период в истории Китая, Сыма Цянь приводит биографии знаменитых сановников, конфуцианцев, военачальников, поэтов, медиков, философов, дипломатов, воинов. Характерно, что наряду с описанием домов знатнейших князей и биографией Конфуция Сыма Цянь в разделе «Наследственные дома» дает биографию Чэнь Шэ, возглавлявшего крестьянское восстание в III в. до н. э. В дальнейшем в большинстве династийских хроник и историй включались жизнеописания вождей крестьянских восстаний — таким образом, материалы о борьбе крестьянских масс против феодалов сохранились для потомков.

Уже в годы правления династии Хань (206 г. до н. э. — 220 г. н. э.) в Китай из Индии начинает проникать буддизм. Влияние его на всю духовную жизнь страны усиливается с течением времени. Это влияние, естественно, сказалось и на литературе, предшествующей танской эпохе, и особенно на танской новелле.

⁶ В. М. Алексеев, Китайская литература, — сб. «Литература Востока», вып. 2, 1920, стр. 28—29.

В первых веках нашей эры заметно усиливается и воздействие на духовную жизнь общества другого философского учения — даосизма. Если при ханьском императоре У-ди (140—86 гг. до н. э.) конфуцианство было официально признано господствующей идеологией, пользующейся государственной поддержкой, то даосизм, распространенный не в меньшей мере, чем конфуцианство, оказался в положении идеологии гонимой и подавляемой. Если конфуцианство было распространено главным образом в среде власти имущих, то даосизм находит последователей в стане угнетенных и обездоленных, для которых басни о потустороннем мире, о бессмертии имели особую притягательную силу. Постепенно в литературу проникают персонажи пантеона даосов, даосские монахи и отшельники, они становятся героями народных сказок и легенд.

В III—VI вв. Китай был разделен на множество царств, ожесточенно воевавших друг против друга. Пользуясь этим, в страну вторгались орды варваров-кочевников; они разрушали и сжигали все на своем пути, уводили в неволю коренное население. Беспечные, распутные китайские правители, безразличные к судьбам народа, разоряли страну налогами. Обезлюдевшая деревня не могла прокормить города и многочисленные армии.

В столь трудные для страны времена к даосизму все чаще обращаются люди, принадлежащие к самым разным сословиям. Поисками снадобья, приносящего долголетие или бессмертие, стали заниматься императоры и нищие, ученые мужи и монахи, поэты, астрологи. Легенды и сказки о счастливицах, которым удалось добыть волшебное зелье, широко бытовали в народе. Бродячие рассказчики — шошуди — разносили такие легенды по всей стране. Эти люди, в смутные времена занимавшиеся на больших дорогах и менее почетным, но более прибыльным делом, в течение многих веков были распространителями, а зачастую и безымянными авторами самых различных произведений народного творчества.

Для широких народных масс, в большинстве своем неграмотных, литература «рынков и колодцев»⁷ (Лу Синь) была единственно доступной духовной пищей. Энтузиасты и литераторы различных эпох, разумеется, записывали произведения устного народного творчества, но подавляющее большинство этих записей навсегда утрачено. На протяжении всей истории Китая отношение к народному творчеству со стороны правящих классов было презрительно-враждебным. Удивительно, что сохрани-

⁷ «Рынки и колодцы» — места, где обычно выступали со своими рассказами шошуди.

лись и дошли до нашего времени, иногда, правда, в искаженном виде, сборники народных рассказов, представляющие огромный интерес.

Наиболее ранние сборники — «Истории о чудесах» («Ле и чжуань») и «Рассказы о явлении духов» («Соу шэнь цзп») — состоят из новелл, большей частью очень коротких, содержащих какой-нибудь один яркий эпизод. Напрасно мы будем в них искать тонко и точно разработанный сюжет (это появится гораздо позднее), психологические характеристики героев или логическую мотивировку их действий. В рассказах дотанской эпохи читателя пленяют народный юмор, сочный, живой язык, сочетание фантастического с самым обыденным.

В новеллах дотанской поры необычайно велик элемент фантастики (он сохранится и в новеллах позднейших эпох). Но даже фантастические персонажи прекрасно чувствуют себя в окружении самых земных предметов и, по-видимому, не могут без них обходиться. Так, бог земли имеет при себе плевательницу, правда нефритовую, и метелку, чтобы отгонять мух («Как Чжэнь Чун послушался бога земли» из сборника «Истории тьмы и света»).

Литературные занятия, связанные с записью и обработкой произведений устного народного творчества, как уже говорилось выше, считались делом недостойным и несерьезным. Тем не менее ему посвящали свой досуг поэты, крупные чиновники и даже императоры. Составителем одного из самых популярных сборников, «Истории о чудесах», по некоторым источникам, считается вэйский император Вэнь-ди (годы жизни — 186—226, годы царствования — 220—226), он же — Цао Пэй, сын знаменитого политического деятеля, полководца и поэта Цао Цао и брат известного поэта Цао Чжи. Сборник «Рассказы о явлении духов» приписывается литератору Гань Бао (конец III — начало IV в.), а сборник «Продолжение рассказов о явлении духов» — великому поэту Тао Юань-мину (365—427).

Новеллистическая литература дотанской эпохи, быть может, не знает еще таких громких имен, какие появятся позднее, в годы правления династии Тан (618—907). Однако стремительный и блистательный взлет танской новеллы был бы невозможен без новелл предыдущей эпохи.

Интересна судьба крохотной новеллы «Изголовье из кедра» из сборника «Истории тьмы и света». Она послужила исходным материалом для многочисленных переработок и подражаний: известный новеллист танской эпохи Шэнь Цзи-цзи в своей «Волшебной подушке» развивает ее сюжет; другой знаменитый тан-

ский писатель, Ли Гун-цзо, в «Правителе Нанькэ» также варьирует эту тему; великий драматург минской эпохи Тан Сянь-цзу через много веков воскрешает новеллу в одной из своих пьес; в следующую эпоху — цинскую — к ней снова возвращается не признанный при жизни мудрец и насмешник Пу Сун-лин в новелле «Пока варилось просо». Названные произведения навсегда вошли в историю китайской изящной словесности и достойны украсить сокровищницу мировой литературы. И все они родились из новеллы, насчитывающей всего сто семнадцать знаков.

Счастливая судьба выпала на долю и многих других дотанских новелл. Так, одна из новелл сборника «Рассказы о явлении духов» легла в основу бессмертной драмы Гуань Хань-цзиня «Обида Доу Э»; сюжет рассказа «Ли Цзи» из того же сборника более детально разработан в пьесе «Девушка убивает змея», прочно вошедшей в репертуар артистов столичной музыкальной драмы, специализирующихся на амплуа «у-дань» — «девушек-воительниц». Несколько раз из этого сборника брал сюжеты для своих новелл Пу Сун-лин. Сюжет новеллы «Гань Цзян и Мо-се», повествующей о страшном возмездии, свершившемся над тираном, привлек внимание Лу Синя и был использован им в рассказе «Меч» (сборник «Старые легенды в новой редакции»).

Перечисление заимствований сюжетов и тем из неиссякаемого кладезя дотанской новеллы можно было бы продолжить.

Особое место в развитии китайской новеллы занимает «Волшебное зеркало». Автором этого замечательного произведения является Ван Ду. Скучные сведения о нем содержатся в биографии его младшего брата Ван Цзи.

Придворный историк династии Суй — Ван Цзи долгие годы работал над составлением истории этой династии. Ван Ду и Ван Цзи — сторонники возврата к старинному литературному стилю «гувэнь» — были видными фигурами в литературной жизни своего времени.

В новеллах дотанской эпохи действие обычно развертывается в хронологическом порядке, причем, как правило, указывается время и место того или иного события. Так, в «Волшебном зеркале» точно указывается год, месяц и день каждого события, но построена новелла довольно оригинально: сюжетным стержнем в ней является волшебное зеркало, и на этот стержень напизываются необычайные истории. Новелла «Волшебное зеркало» — это своеобразное жизнеописание чудесного предмета. Этой новеллой как бы завершается развитие «рассказов о чудесах» дотанской эпохи и открывается новый этап — танская новелла.

А. Тишков

ИСТОРИИ О ЧУДЕСАХ

КАК ДИН-БО ПРОДАЛ ПРИВИДЕНИЕ

В молодые годы Сун Дин-бо из Наньяна однажды столкнулся с привидением. Случилось это ночью.

— Ты кто? — спросил юноша.

— Приведение... А вы кто?

— Я тоже привидение, — солгал Дин-бо.

— Вы куда идете?

— В Наньян.

— Я тоже иду в Наньян.

Они прошли вместе несколько ли.

— Так идти — быстро устанем, — сказал дух. — Давайте по очереди нести друг друга на закорках.

— Хорошо, — согласился Дин-бо.

Сначала дух нес Дин-бо.

— Какой вы, однако, тяжелый, может, вы вовсе и не привидение?

— Я недавно умер, поэтому и тяжелый, — отвечал Дин-бо.

И он подставил спину духу, привидение совсем ничего не весило. Так они по очереди и несли друг друга.

— Я еще молодой дух, — заговорил снова Дин-бо, — и поэтому не знаю, что меня может погубить.

— Если человек плюнет на вас,— ответило привидение.

Тем временем они подошли к реке. Дин-бо сказал привидению, чтобы сначала оно перебралось через реку; дух сделал это совершенно бесшумно. А Дин-бо переправлялся на другой берег с шумом и плеском.

— Почему вы так шумите? — спросил дух.

— Не сердись! Я ведь молодой дух, и мне до сих пор не приходилось переплывать реку.

Когда они подошли к городу, Дин-бо сгреб привидение в охапку и перекинул его через плечо. Привидение громко вопило, верещало, стараясь освободиться. Не обращая внимания на крики, Дин-бо направился к рынку. Когда он сбросил привидение с плеча, оно вдруг превратилось в козла. Дин-бо плюнул на козла, чтобы тот не превратился во что-нибудь еще. Продал его за полторы тысячи монет — и был таков.

С тех пор про удалых людей стали говорить: «Дин-бо, продавший привидение».

УЧЕНЫЙ МУЖ И ЕГО ЖЕНА

Ученый муж по имени Тань в сорок лет еще не был женат. Скорбя об этом, он углубился в изучение «Книги песен»¹.

Но однажды в полночь перед ним предстала девушка лет пятнадцати-шестнадцати. Такой красавицы и такого великолепного наряда еще не видали в Поднебесной. Девушка обещала ученому стать его женой, но предупредила:

— В течение трех лет вы не должны видеть меня при свете, я — не такая, как другие женщины.

Они стали мужем и женой, у них родился сын. Мальчику исполнился год, когда Тань не смог сдержать своего любопытства. Как-то ночью он, таясь, словно вор, взял светильник и оглядел спящую жену. Верхняя часть ее тела была как у обыкновенной женщины, а ниже пояса он увидел лишь голые кости. В этот момент женщина проснулась.

¹ «Книга песен» («Шипзин») — древнейший памятник китайской литературы, одна из книг конфуцианского канона. (Здесь и далее примечания переводчика.)

— Вы погубили меня! — воскликнула она. — Через год я стала бы, как все смертные. Что вам стоило подождать еще немного!

Тань, обливаясь слезами, стонал и каялся в своем поступке.

— Теперь мы должны расстаться навсегда, — сказала женщина. — Вы обязаны позаботиться о нашем сыне. Но вы бедны и не сможете прокормить даже самого себя. Следуйте за мной — я хочу сделать вам подарок.

Он пошел за женой, и они очутились в великоленном зале, в нем находилось много драгоценных вещей. Женщина подала мужу одежду, расшитую жемчугами.

— Этого вам хватит надолго, — сказала она, помогла мужу снять старое одеяние и удалилась.

Через некоторое время Тань продал это платье за десять миллионов монет в дом суйянского князя. Князь, увидев платье, вскричал:

— Это одежда моей дочери! Он, должно быть, ограбил могилу!

Князь велел привести Таня и допросил его. Тань рассказал всю правду. Князь ему не поверил и осмотрел могилу дочери. Могила оказалась нетронутой. Князь приказал раскопать могилу. Когда подняли крышку гроба, увидели, что платье дочери находится в гробу. Тем временем обратили внимание, что сын Таня — вылитая дочь князя. Лишь теперь князь поверил Таню. Призвав его, он вернул Таню драгоценную одежду и признал своим зятем. А сын Таня впоследствии был определен на почетную должность в дворцовую стражу.

НЕЧИСТАЯ СИЛА

Чжан Фэнь слыл очень богатым человеком. Но внезапно он разорился и продал свой дом Чэну из Ляна. После переезда в новый дом на семью Чэна напали болезни, и его родные стали умирать один за другим. Тогда Чэн перепродал дом Хэ Вэню из Е.

Однажды вечером Хэ с обнаженным мечом взобрался на балку под крышу. Во вторую стражу он увидел, как в зал вошел дух огромного роста, на нем была желтая одежда и высокая шапка.

— Тонкий! — воскликнул нечистый. — Почему живым духом несет?

— Здесь нет людей, — был ответ.

Затем появилось другое привидение в высокой шапке и в зеленых одеждах, а вслед за ним третье — в такой же шапке, но в белых одеждах. Они задали тот же вопрос, и дважды прозвучал тот же самый ответ.

Когда привидения приблизились, Хэ выскочил из за-сады и крикнул:

— Тонкий! Кто этот в желтых одеждах?

— Золото, — донесся ответ. — Под западной стеной дома.

— Кто в зеленом?

— Медяки. В пяти шагах от колодца перед домом.

— А в белом?

— Серебро. Под столбом северо-восточного угла дома.

— А ты сам кто?

— Деревянный пест под очагом.

Дождавшись рассвета, Хэ начал копать в указанных местах и нашел пятьсот цзиней¹ золота, пятьсот цзиней серебра и больше десяти миллионов медных монет. Затем он сжег пест.

С этих пор в доме водворился покой.

ЖЕНЩИНА-РЫБА

Один житель Пэнчэна взял себе жену и с этих пор перестал ночевать дома. Так прошло более месяца. Жена думала, что он не испытывает к ней влечения. Однажды она у него спросила:

— Почему вы не возвращаетесь по вечерам домой?

— Потому что каждую ночь ты ускользаешь от меня, — отвечал муж.

— Ничего подобного, — возразила женщина.

Муж был удивлен.

— Вас, наверное, околдовали, — молвила жена. — Когда к вам придет женщина, постарайтесь увидеть ее при свете.

Через некоторое время под видом его жены явилась какая-то женщина. Она в нерешительности остановилась у порога, но вдруг словно кто-то подтолкнул ее к постели.

¹ Ц з и н ь — мера веса, в разных местах и в разные времена составляла приблизительно 0,4—0,5 кг.

Как только она очутилась рядом, мужчина крепко схватил ее и спросил:

— Почему ты каждую ночь ускользаешь от меня?

— Вы проводите время с другой,— сказала она.— Вы должны прекратить эти встречи с призраком, как мы с вами договорились.

Он не отпустил женщину, и они легли вместе. И вот, когда уже наступила полночь, он наконец догадался: «Я действительно околдован, это не моя жена!»

Он снова схватил женщину и крикнул, чтобы скорее принесли огня. А женщина стала вдруг быстро уменьшаться, и, когда внесли светильник, мужчина увидел в своих руках карпа.

РАССКАЗЫ О ЯВЛЕНИИ ДУХОВ

ДУН ЮН И НЕБЕСНАЯ ТКАЧИХА

Во время династии Хань¹ в Тяньчэне жил один человек, звали его Дун Юн. Еще в младенческом возрасте он лишился матери. Когда мальчик подрос, он стал помогать отцу в полевых работах, научился править повозкой. Вскоре отец умер, похоронить его было не на что, и сирота продал себя в рабство, чтобы должным образом предать земле останки отца. Хозяин, узнав о сыновней почтительности Дун Юна, отпустил его и дал ему десять тысяч медных монет.

Кончился трехлетний срок траура, и Дун Юн возвратился к своему хозяину. По дороге ему повстречалась женщина.

— Хочу стать вашей женой,— молвила она.

И дальше они пошли вместе.

Увидев Дун Юна, хозяин сказал:

— Помнишь, я дал тебе деньги? Это мой подарок.

— Вы помогли мне похоронить отца как полагается,— отвечал Дун Юн.— Теперь я буду изо всех сил работать, чтобы отблагодарить вас за доброту.

¹ Династия Хань правила с 206 г. до н. э. до 220 г. н. э.

— Что умеет делать эта женщина?

— Ткать, — ответил Дун Юн.

— Тогда пусть она наткет для меня сто кусков шелка.

И жена Дун Юна стала ткать шелк для семьи хозяина. Через десять дней она закончила работу и сказала мужу:

— Я — Небесная Ткачиха. Вы были почтительным сыном, и владыка неба повелел мне помочь вам отработать долг.

Сказав это, она исчезла.

ВЛАДЫКА ГОРЫ ТАЙШАНЬ

У подножия горы Тайшань жил некто Хуму Бань по прозвищу Цзи-ю. Однажды среди зарослей появился всадник в красных одеждах и крикнул ему:

— Тебя зовет к себе владыка горы!

Хуму Бань испугался и ничего не ответил. Показался еще всадник и тоже позвал его. Тогда Хуму Бань пошел вслед за ними. Они попросили его зажмуриться, а когда он открыл глаза, то увидел, что находится в великолепном дворце. Пришелец почтительно поклонился хозяину, тот пригласил Хуму Баня отведать разные кушанья, а затем сказал:

— Я хочу поручить тебе передать письмо моему зятю.

— А где находится ваш зять?

— Моя дочь — жена Хэ Бо, повелителя реки.

— Я возьму ваше письмо, но как его доставить?

— Останови свою лодку на середине реки и кликни служанку.

Хуму Бань простился, и всадники снова велели ему закрыть глаза. Вскоре он очутился на том самом месте, где повстречал их. Он спустился к реке и все сделал так, как приказал ему владыка горы Тайшань. На его зов явилась служанка, взяла письмо и скрылась под водой. Затем она снова появилась и сказала:

— Повелитель хочет видеть вас.

И велела Хуму Баню закрыть глаза.

Гость чинно поклонился повелителю реки. Хэ Бо устроил большой пир и был очень ласков со своим гос-

тем. Перед уходом Хуму Баня повелитель реки сказал ему:

— Ты проделал долгий путь, чтобы передать мне письмо, и я не знаю, как тебя отблагодарить.

Потом он приказал слугам:

— Принесите мои шелковые туфли!

И подарил их своему гостю.

Хуму Бань вышел, закрыл глаза и снова оказался в своей лодке.

Вскоре он отправился по делам в Чангань, а когда через год вернулся в родные места, пришел к зарослям, где впервые увидел всадника, постучал по дереву и, назвав себя, объявил, что привез из столицы важные новости. Тут же появились всадники в красных одеждах и, как в прошлый раз, проводили его к владыке горы Тайшань, которому он подал письмо. Владыка пожелал ему успехов и обещал наградить.

Хуму Бань зашел в отхожее место и вдруг увидел там своего умершего отца, закованного в цепи вместе с сотнями других рабов. Он подбежал к старику и, кланяясь, со слезами спросил:

— Каким образом вы попали сюда, отец?

— Ох, сынок, после моей смерти я был приговорен к трем годам рабства, — отвечал отец. — Уже прошло два года. Работа ужасная. Я слышал, ты в хороших отношениях с нашим повелителем, попроси его отпустить меня. Я хотел бы вернуться в деревню.

Хуму Бань, движимый сыновним долгом, предстал перед владыкой Тайшаня, умоляя его простить отца. Владыка сказал:

— Я доволен тобою. Но у живых и мертвых разные пути, и они никогда не сойдутся.

Хуму Бань продолжал умолять владыку, и тот в конце концов освободил старика.

Минувший год с небольшим, и вот внезапно один за другим умерли все сыновья Хуму Баня. В смятении он снова поспешил к дереву и попросил разрешения предстать перед владыкой. Те же люди проводили его во дворец.

— Все мои сыновья умерли, — пожаловался Хуму Бань владыке горы Тайшань. — Боюсь, что теперь беды не оставят меня, я пришел рассказать вам об этом и просить вас о новой милости.

Владыка горы Тайшань расхохотался.

— Разве я не говорил тебе, что у живых и мертвых разные пути? — молвил он и, хлопнув в ладоши, велел привести отца Хуму Баня.

Когда старик предстал перед ним, владыка сказал:

— Ты захотел вернуться к людям, и я освободил тебя. Тебе следовало бы творить добро, а все твои внуки умерли. В чем же дело?

— Я так давно не был среди людей, повелитель, и с радостью вернулся к ним. Вина и еды у меня было вдоволь, но я тосковал по своим внучатам — и я позвал их к себе.

Владыка горы Тайшань велел вместо отца Хуму Баня послать к людям доброго духа. Старик удалился, обливаясь слезами.

Когда Хуму Бань вернулся домой, он увидел своих сыновей живыми и невредимыми.

ЯШМОВАЯ ДЕВА С НЕБЕС

Во времена династии Вэй¹, в период правления под девизом «Счастье и спокойствие»², помощнику правителя области Цзибэй по имени Сянь Чао, известному также под именем И-ци, как-то ночью во сне явилась дева-небожительница и молвила:

— Я — Яшмовая дева с небес, уроженка области Дунцзюнь. Моя фамилия Чэнгун, имя Чжи-цюн. Отца и мать я потеряла в детстве, и небесный владыка, сжалившись над моей горькой судьбой, повелел мне сойти на землю и стать вашей женой.

Сянь Чао пришел в восторг, без конца он восхищался ее удивительной красотой и необычными для простых смертных манерами. А проснувшись, никак не мог понять, во сне это было или наяву.

И так повторялось несколько ночей подряд.

Но вот однажды утром дева явилась наяву. Она приехала в коляске с пологом, за которой следовало восемь служанок, одетых в расшитые узорами шелковые одежды.

¹ Династия Вэй правила с 220 по 264 г.

² В старом Китае летосчисление обычно велось по годам правления того или иного императора. Эти годы правления имели свои девизы. «Счастье и спокойствие» — один из девизов правления вэйского императора Ци-вана, приходящийся на годы 249—253.

Внешность и осанка девы были точь-в-точь такими, как у небожительницы. На вид ей было лет пятнадцать-шестнадцать, но она сказала, что ей семьдесят.

В коляске стояли пять бутылей из белого и синего стекла, наполненные вином, и всевозможные яства. Кушанья были изысканными, вина сладкими, и Сянь Чао с девой сели пировать.

— Я предназначена вам в жены, — обратилась дева к Сянь Чао, — и поэтому пришла служить вам, а не благодарить за милости. Еще в прошлой жизни судьба предопределила нам стать мужем и женой. Большой пользы вы, правда, от этого не получите, но и убытков не понесете. Будете ездить в легкой коляске или же верхом на тучном коне. Есть вы будете самые вкусные и изысканные кушанья, а одеваться в шелка, которые никогда не изнашиваются. Но все-таки я небожительница и поэтому не смогу родить вам детей. Однако я не ревнива и не стану мешать вам исполнять свой супружеский долг с другой женщиной ради продолжения рода.

Так они стали супругами. Дева подарила Сянь Чао стихотворение, в котором говорилось:

Лечу по ветру в вышине
Я над Бохаем и Пынлаем³,
А в небе музыка звучит,
За облаками где-то тая...
Подняться может вещей гриб,
Из почвы не вбирая соки.
Нисходит добродетель к нам
В назначенные выше сроки.
Свою небесную любовь
Святые зря не расточают,
Но коль предсказано судьбой, —
Моленям смертных отвечают...
Мне подчинясь, прославишь род,
Тобой гордиться будут внуки,
Но если мной пренебрежешь —
То будешь обречен на муки!

Перевод И. Голубева

Стихотворение состояло более чем из двухсот слов, и привести его здесь полностью невозможно. Но надо сказать, что в нем, как и в семи главах «Книги пере-

³ Бохай и Пынлай — места, служившие, по поверьям даосов, обителью бессмертных.

мен»⁴, содержались триграммы и пояснения к ним, заключавшие в себе глубокий смысл и сокровенную истину, постигнув которые можно было предсказывать точно так же, как по «Великой сокровенности» Ян Сюна⁵ и «Книге о середине»⁶, написанной пекин Сюэ.

Сянь Чао сумел постигнуть смысл стихотворения и благодаря этому научился предсказывать судьбу.

Почти восемь лет жили они как супруги. Когда родители женили Сянь Чао, он почти не видался со своей законной женой: днем они ели порознь, ночью спали раздельно. А бессмертная фея каждый вечер являлась к Сянь Чао и исчезала утром. Никто, кроме него самого, не видел ее, хотя другие иногда слышали ее голос и часто замечали ее следы. Вот это вызывало разные толки и расспросы, и тайна наконец раскрылась. Яшмовая дева стала просить Сянь Чао отпустить ее.

— Я небожительница,— говорила она.— Пусть мы связаны супружескими узами, но я не хочу, чтобы об этом знали люди. Вы по неосторожности и болтливости разгласили мою тайну, и отныне всякие отношения между нами прерваны. Разве не горько расставаться, прожив столько лет в любви и согласии?.. Но обстоятельства требуют этого, и пусть каждый из нас отныне заботится только о себе.

Дева сделала знак служанкам подать вино и угощение и, когда ее распоряжение исполнили, пригласила Сянь Чао разделить с нею последнюю трапезу. Потом она открыла бамбуковую корзинку, вынула оттуда шелковую юбку и платье и подарила Сянь Чао вместе с еще одним стихотворением. Оба со слезами на глазах распрощались, дева села в коляску и умчалась, подобно ветру.

Много дней тосковал Сянь Чао, едва не заболел от горя.

Через пять лет после ухода Яшмовой девы Сянь Чао получил должность начальника области и направлялся

⁴ «Книга перемен» («Ицзин») — одна из книг конфуцианского «Пятикнижия», применялась для гадания.

⁵ Ян Сюн (53 г. до н. э. — 18 г. н. э.) — поэт и ученый, написавший в подражание «Книге перемен» книгу «Великая сокровенность».

⁶ «Книга о середине» — в китайской библиографии такая книга неизвестна.

в Лоян. Проезжая мимо горы Юйшань, которая находится в северной части области Цзи, он вдруг увидел на повороте дороги коляску, напоминавшую коляску Чжицюн. Когда он подъехал поближе, то убедился, что не ошибся. Сянь Чао приподнял полог, и они предстали друг перед другом. Их охватила радость встречи, омрачаемая горечью долгой разлуки.

Сянь Чао впряг свою лошадь левой пристяжной в коляску девы, и они вместе направились в Лоян. Яшмовая дева снова сделалась хозяйкой в доме, и все пошло так же хорошо, как и прежде.

Так продолжалось до периода правления под девизом «Великое благополучие»⁷. Только дева являлась не каждый день, а лишь в третий день третьего месяца, в пятый день пятого месяца, в седьмой день седьмого месяца и в девятый день девятого месяца. Но однажды она вдруг явилась рано утром в пятнадцатый день месяца и вскоре ушла навсегда.

По этому поводу Чжан Мао-сянь и написал «Оду о святой деве».

ХАНЬ ПИН И ЕГО ЖЕНА

Приближенный сановник сунского князя Кан-вана¹ по имени Хань Пин взял себе в жены красавицу из рода Хэ. Она понравилась Кан-вану, и тот отнял ее у мужа. Хань Пин возроптал, за что был сначала брошен в темницу, а затем сослан. Днем его заставляли охранять границу от набегов кочевников, а по ночам строить Великую стену.

Жена тайно послала Хань Пину письмо, в котором говорилось: «Мелкий дождь льет и льет без конца, большая река глубока; пусть лишь солнце взойдет, и клятву я исполню свою».

Письмо это попало в руки князя, и он показал его своим приближенным. Никто не мог понять заключенного в нем смысла. Только сановник Су Хэ сказал:

— «Мелкий дождь льет и льет без конца» — значит,

⁷ «Великое благополучие» — один из девизов правления цзиньского императора У-ди, приходящийся на годы 280—289.

¹ Кан-ван — правитель княжества Сун (333—286 гг. до н. э.).

что она печалится и думает о муже; «большая река глубока» — это не что иное, как препятствие для их встречи; а слова «пусть лишь солнце взойдет, и клятву я исполню свою» можно истолковать только в том смысле, что она хочет умереть.

Вдруг приходит весть о том, что Хань Пин покончил с собой. Тогда жена его надела на себя старое платье из истлевшей ткани и, когда они вместе с князем поднялись на башню, бросилась вниз. Приближенные князя, пытаясь удержать ее, ухватились за платье, но гнилая ткань не выдержала, разорвалась, и она, упав с высоты, разбилась насмерть.

В поясе ее нашли письмо: «Князю лучше, чтобы я была жива, мне же лучше умереть. Прошу похоронить меня вместе с Хань Пином».

Разгневанный князь велел похоронить ее безо всяких почестей возле могилы мужа.

— Если уж ваша любовь так сильна и вы сможете соединиться в могиле, не стану этому мешать,— сказал он.

На том месте, где были похоронены супруги, за одну ночь выросли большие деревья. А через десять дней они уже разрослись так сильно, что скрыли обе могилы. Под землей переплелись их корни, над землей сплелись их ветви. Пара птиц — самец и самка — свили гнезда на этих деревьях и никогда оттуда не улетали. Они сидели на ветвях, протягивали друг к другу шею и жалобно пели. Их печальное пение трогало людей.

Жители княжества Сун назвали эти деревья «деревьями взаимной тоски». Отсюда и произошло выражение «тосковать друг о друге». Птиц же стали считать душами Хань Пина и его жены.

До сих пор в Суйяне существует город Ханьпин, и поныне живет песня о верных супругах.

ЦИНЬ ЦЗЮЙ-БО

Цинь Цзюй-бо из Ланъе было шестьдесят лет. Однажды поздним вечером, напившись пьяным, он проходил мимо храма Пэншаньмяо. Вдруг навстречу ему выбежали внуки, подхватили под руки, отвели шагов на сто в сторону, а там схватили за шею, пригнули к земле и стали браниться:

— Старый хрыч, ты когда-то нас колотил, а теперь мы тебя убьем!

Цинь Цзюй-бо вспомнил, что действительно когда-то поколотил своих внуков, и притворился мертвым. Внуки мгновенно разбежались.

Возвратившись домой, Цинь Цзюй-бо хотел наказать внуков. Те перепугались, стали кланяться ему и говорить:

— Если бы это были мы, так это еще полбеды! Боялся, что это были оборотни! Проверьте-ка еще раз!

Цинь Цзюй-бо призадумался.

Прошло несколько дней. И вот, притворившись пьяным, Цинь Цзюй-бо снова проходил мимо того храма, и опять внуки подхватили его под руки. Старик крепко вцепился в них, так что они не смогли убежать, и привел домой. Здесь он стал поджаривать их на огне до тех пор, пока у тех не лопнули животы, а затем выбросил во двор. Они исчезли. Цинь Цзюй-бо очень досадовал, что не смог их убить.

Прошел месяц. Однажды Цинь Цзюй-бо спрятал за пазуху кинжал и ушел из дома, притворившись пьяным. Никто из домашних об этом не знал. Минула полночь, а он все не возвращался. Опасаясь, как бы деда не схватили злые духи, внуки отправились его разыскивать. Цинь Цзюй-бо повстречал их и убил.

ЛИ ЦЗИ

В области Миньчжун, которая находится в княжестве Дунъюэ, есть горный хребет Юнлин высотой в несколько десятков ли. В одном из ущелий, на северо-западной стороне, поселилась змея длиною в семь или восемь чжанов¹, свертывавшаяся более чем в шестьдесят колец. От нее погибли уже местный ду-вэй², а также много других чиновников из подчиненных ему городов. Змее приносили в жертву быков и баранов, но это не помогало.

Однажды кому-то приснился сон, и гадатель, которого пригласили его растолковать, сказал, что змея жела-

¹ Ч ж а н — мера длины, равная 3,2 м.

² Д у - в э й — чиновник, ведавший военными делами области.

ет получать на съедение девочек лет двенадцати-тринадцати.

Новый ду-вэй, начальники уездов и чиновники делали все возможное, чтобы умиловить змею. Но она требовала все новых и новых жертв, и, чтобы накормить ее, приходилось забирать дочерей и рабынь из провинившихся в чем-либо семей.

Как только наступал первый день восьмого месяца, предназначенную в жертву отводили в пещеру змеи, и та пожирала ее. Так продолжалось девять лет, и уже погибло девять девочек.

Но вот настало время, когда очередную жертву найти стало невозможно.

В то время в уезде Цзянлэ жил некто Ли Дань, у которого было шесть дочерей и ни одного сына. Младшую дочь его звали Ли Цзи. Она сама пожелала, чтобы ее отдали змее на съедение. Но родители и слушать об этом не хотели.

— Матушка и батюшка,— говорила Ли Цзи,— вы нарожали одних дочерей, а сыновей у вас нет. Это все равно что вовсе не иметь детей. Я не способна совершить подвиг Ти-ин³, которая некогда спасла своих родителей, и поэтому лучше мне умереть, чем сознавать, что вам приходится зря на меня тратиться — кормить и одевать. Разве плохо будет, если вы продадите меня и заработаете немного денег?

Но родители жалели Ли Цзи и ни за что не хотели расставаться с нею. Тогда девочка ушла сама, и никто не мог ее удержать.

Она взяла с собой меч и собаку, приученную к охоте на змей, взяла рис, сделала из него лепешки и обкатала их в муке с медом. Когда настал первый день восьмого месяца, девочка пробралась в пещеру и спряталась там вместе с собакой, держа при себе меч. Лепешки она разложила возле входа в пещеру.

Выползла змея. Голова ее была с круглую корзину для риса, а глаза — как зеркала величиной в два чи⁴. Почувяв запах лепешек, змея набросилась на них и мгмо-

³ Ти-ин — дочь некоего Шуньюй И, жившего при династии Хань. Когда Шуньюй И провинился и должен был понести наказание, Ти-ин продала себя в рабство, чтобы дать возможность отцу откупиться. Император об этом узнал и отменил наказание.

⁴ Чи — мера длины, равная 32 см.

венно проглотила. Тогда Ли Цзи напустила на змею собаку, и та вцепилась в нее, девочка тем временем подбежала сзади и нанесла змее несколько ударов мечом. Змея подпрыгнула от боли, откатилась назад и издохла.

Ли Цзи вошла в пещеру и увидела там скелеты девяти девочек. Она вынесла их наружу и со вздохом сказала:

— Мне жаль вас! Вы были так слабы и трусливы, что позволили змее сожрать себя!

Ли Цзи целой и невредимой возвратилась домой.

Правитель княжества Юэ, узнав об этом, взял Ли Цзи себе в жены, отцу ее пожаловал должность начальника уезда Цзянлэ, а мать и сестер щедро одарил.

Песни и предания об этом событии живут и поныне.

ГАНЬ ЦЗЯН И МО-СЕ

Гань Цзян и Мо-се целых три года делали мечи для Чуского вана. Тот гневался и угрожал казнить Гань Цзяна. И вот наконец Гань Цзян сделал два меча — меч-самца и меч-самку.

— Мы три года делали мечи, — сказал он жене. — За такую медлительность ван казнит меня, как только я предстану перед ним. Если у нас будет сын, то, когда он вырастет, скажи ему: «Выйди из ворот и иди к южным горам. Увидишь там растущую на скале сосну, за нею будет схоронен меч».

После этого он взял меч-самку и отправился к Чускому вану. Когда тот увидел только один меч — он знал, что их должно быть два, — сильно разгневался и повелел казнить мастера.

Мо-се родила сына, ему дали имя Чи. Прошло несколько лет, и как-то он спросил у матери:

— Где мой отец?

— Твой отец в течение трех лет делал мечи для Чуского вана, — сказала мать. — За это ван разгневался и казнил его. Но перед тем как отправиться к вану, отец говорил мне: пусть сын выйдет из ворот и пойдет прямо на юг; там на скале растет сосна, а за нею спрятан меч.

Мальчик вышел со двора и отправился на юг. Одна-

ко никакой скалы он не увидел. Стояло лишь какое-то строение, подпиравшееся столбом. Юноша топором разрубил столб и обнаружил за ним меч. С этих пор он дни и ночи думал, как отомстить Чускому вану.

Однажды во сне ван увидел юношу с широким межбровьем, который угрожал ему отомстить. Ван объявил награду в тысячу золотых за его поимку. Узнав об этом, юноша бежал в горы. Он шел по дороге и напевал печальную песню.

— О чем ты горюешь? — спросил его повстречавшийся странник. — Ведь ты так еще молод!..

— Я сын Гань Цзяна и Мо-се, — ответил юноша. — Чуский ван когда-то убил моего отца, и теперь я хочу ему за это отомстить.

— Я слышал, что ван объявил награду в тысячу золотых за твою голову, — сказал странник. — Отдай мне свою голову, и я за тебя отомщу.

— Как я был бы счастлив! — воскликнул юноша.

С этими словами он отсек себе голову и вместе с мечом протянул ее страннику. И что удивительно — он не падал и продолжал стоять на ногах.

— Я тебя не обману! — заверил его странник.

Лишь после этого труп закачался и упал.

Взяв с собой отрубленную голову, странник явился к Чускому вану. Тот обрадовался.

— Это голова храбреца, — сказал ему странник, — ее следует сварить в котле с водой.

Ван распорядился, чтобы так все и сделали. Голову варили три дня и три ночи, но она никак не разваривалась, выскакивала из воды и гневно смотрела на всех широко раскрытыми глазами.

— Голова не разваривается, — докладывал вану странник. — Но если вы сами подойдете и посмотрите на нее, все будет как нужно.

Ван подошел к котлу. Странник мгновенно взмахнул мечом, и голова правителя свалилась в кипяток. Еще взмах меча — и голова странника упала туда же.

Головы быстро разварились, и настолько, что невозможно было разобрать, какая кому принадлежит. Тогда варево разделили на три части и похоронили в одной могиле. С тех пор могила эта стала называться «Курганом трех ванов». Она существует и поныне, находится в уезде Бэйичунь в Жунани.

Восемнадцатилетнюю дочь Фу-ча, правителя княжества У, звали Юй. Она была талантлива и красива.

Юноше Хань Чжуну едва минуло девятнадцать, но он уже владел тайными волшебства. Он понравился девушке, между ними завязалась переписка, и Юй пообещала стать его женой.

Хань Чжун учился в местности, расположенной между княжествами Ци и Лу, и когда уезжал туда, то попросил родителей, чтобы они просватали за него Юй. Но правитель разгневался и отказался отдать дочь. Юй заболела от горя, вскоре умерла и была похоронена за воротами Чанмынь¹.

Через три года Хань Чжун вернулся и спросил у родителей о девушке.

— Когда мы стали ее сватать, ван страшно разгневался, — сказали ему родители. — Девушка умерла от горя, и ее давно похоронили.

Хань Чжун сначала плакал и убивался, но потом, немного успокоившись, собрал все необходимое для жертвоприношения и отправился на могилу Юй.

Когда душа умершей девушки увидела плачущего Хань Чжуна, она вышла из могилы и сказала ему:

— Когда ты уехал, твои родители меня посватали. Я очень хотела, чтобы наше желание осуществилось. Но совершенно неожиданно на меня свалилась беда...

Девушка склонила голову набок и запела:

Вспорхнувшая птица
Стремилась умчаться на юг,
Зачем же на севере
Были расставлены сети?
Когда бы не ложь,
Не сгубившая жизнь клевета,
Я с вами была бы
Пonyне живою на свете.
Крылатая птица
Взмывала к высотам небес,
Зачем же готовить
Силок для нее на земле?
И горе сломило меня,
Я покинула мир,

¹ Чанмынь — название ворот столицы княжества У.

И ныне у желтых источников²
Прячусь во мгле...
Как выразить мне
Безысходную горечь свою?
Какими словами
Излить наболевшую душу?
Ведь в мире пернатых
Все феникса старшим зовут.
А старшего следует
Младшим безропотно слушать...
И вот одинокою
Птица осталась навек,
Обижена миром,
Обижена горькой судьбой.
И вот среди птиц
Той, что хочет она отыскать,
Разлука как пропасть
Легла между вами и мной.
Я вас недостойна,—
Быть может, наскучила вам,
Но в этой душе
Вы зажгли лучезарное пламя.
В разлуке друг с другом
Три года уже пронеслось,
Но не было дня,
Чтобы сердцем была я не с вами!

Перевод И. Голубева

Она умолкла и со слезами на глазах попросила Хань Чжуна снова проводить ее в могилу.

— У живых и у мертвых разные пути,— сказал ей Хань Чжун.— Я не могу исполнить повеления вашего, ибо это сочтут преступлением.

— Я знаю, что у живых и у мертвых пути разные,— убеждала Юй.— Но если мы не будем вместе сейчас, то больше не увидимся никогда! Или вы боптесь, что я, превратившись в духа, причиню вам какое-то зло? Я сделала вам предложение от чистого сердца, а вы мне не верите?!

Растроганный этими словами, Хань Чжун последовал за нею в могилу.

Три года продержала его у себя Юй. Они пировали и предавались любовным утехам. Когда же пришло время расставаться, Юй подарила Хань Чжуну большую жемчужину и сказала:

² Желтые источники — загробный мир.

— Что поделаешь, если доброе мое имя погибло, а желание не осуществилось! Я всегда любила вас! Передайте вану поклон, когда вернетесь домой.

Хань Чжун распрощался с нею и отправился домой. Когда он предстал перед ваном и рассказал ему обо всем, тот разгневался:

— Моя дочь давно умерла, а ты распространяешь о ней сплетни и позоришь имя покойной! Ты разрыл могилу и похитил драгоценности, а теперь ссылаешься на духов!.. Хватайте его!..

Перепуганный Хань Чжун бросился бежать. Он вернулся к могиле Юй и пожаловался ей.

— Не печальтесь! — успокоила его Юй. — Сейчас я побываю дома и все объясню вану.

В то время, когда ван наряжался и причесывался, перед ним вдруг предстала дочь. Изумленный ван и опечалился, и обрадовался.

— Ты жива? — спросил он.

Юй опустила перед ним на колени и молвила:

— Когда-то студент Хань Чжун просил моей руки, но вы, великий ван, отказали ему. Мое доброе имя погибло, я не смогла выполнить свой долг и поэтому довела себя до смерти. Хань Чжун вернулся из дальних краев и, когда узнал, что я умерла, пришел на мою могилу, чтобы принести жертвы и оплакать меня. Тронутая его верностью, я сама к нему вышла и подарила на память жемчужину. Он не раскапывал моей могилы, не преследуйте его!

Эти слова услышала мать. Она вышла, чтобы обнять дочь, но Юй тут же превратилась в дым.

ЛУ ЧУН

Лу Чун был уроженцем Фаньяна. В тридцати ли к западу от его дома находилась могила шао-фу¹ Цуя.

Было Лу Чуну двадцать лет. И вот однажды в первый день сезона зимнего солнцестояния² он отправился

¹ Шао-фу — придворный чиновник, ведавший одеждой, утварью и драгоценностями императора.

² Сезон зимнего солнцестояния — один из двадцати четырех сезонов года. Он длится с 22 декабря по 6 января по современному календарю, или с 11-го по 26-е число одиннадцатого месяца по старому китайскому лунному календарю.

на охоту. Ему попалась сайга. Он выстрелил в нее из лука. Сайга упала, но потом снова вскочила и побежала. Лу Чун бросился за нею в погоню и не заметил, как оказался вдали от дома.

Сайга куда-то исчезла. Лу Чун огляделся. В одном ли к северу от дороги он увидел высокие ворота, а по обе стороны от них — строения под черепичной крышей, похожие на дворец.

Один из стражников, стоявших у ворот, заметил Лу Чуна и громко возвестил:

— Прибыл гость!

— Чей это дворец? — спросил у него Лу Чун.

— Это дворец шао-фу, — ответил тот.

Лу Чун растерялся:

— Как же я могу предстать перед ним в такой грязной одежде?

В тот же момент появился человек с узлом новой одежды и сказал:

— Наш господин посылает это вам.

Лу Чун переоделся, вошел во дворец и представился шао-фу. Они вместе сели за стол, выпили вина, закусили, и после этого хозяин обратился к Лу Чуну:

— Не считите за грубость, почтенный, но я недавно получил письмо, в котором содержится просьба, чтобы я выдал за вас свою дочь. Поэтому я и принял вас столь торжественно.

Затем он показал Лу Чуну письмо.

Лу Чун был еще мал, когда умер его отец, но отцовский почерк узнал сразу и не стал возражать. Тогда шао-фу велел передать во внутренние покои дворца, что господин Лу Чун прибыл: пусть барышня нарядится. И затем, обратившись к молодому человеку, продолжал:

— А теперь вы можете перейти на восточную террасу.

К наступлению сумерек невеста во внутренних покоях окончила наряжаться. Лу Чун прошел на восточную террасу и увидел, что девушка уже вышла из коляски. Они, как и полагается, встали на одну циновку и поклонились друг другу.

Прошло три дня, и Цуй сказал Лу Чуну:

— Теперь можете ехать домой. Моя дочь забеременела, и, если родит мальчика, мы отправим его к вам —

в этом можете не сомневаться. Но если родится девочка, мы оставим ее у себя.

И он тут же распорядился, чтобы подали коляску и проводили зятя. Лу Чун попрощался и вышел.

Цуй проводил его до ворот, а при расставании на глаза его навернулись слезы.

У ворот Лу Чун увидел коляску с черным пологом, в ней лежал узел с одеждой, в которой он пришел сюда. Лук и стрелы были здесь же.

Потом по приказу шао-фу слуги принесли еще узел с одеждой, и хозяин сказал:

— Наши родственные отношения только начинаются, поэтому не расстраивайтесь. Дарю вам еще платье, одеяло и циновку.

Лу Чун сел в коляску, и она помчалась с грохотом, напоминающим раскаты грома. Мгновение — и он был уже дома.

Домашние стали расспрашивать, что с ним произошло. От них Лу Чун узнал, что шао-фу Цуй давно умер, и ему стало страшно от одной мысли, что он побывал в могиле мертвеца.

Прошло четыре года со дня этой встречи. Однажды Лу Чун прогуливался по берегу реки. Было это в третий день третьего месяца. И вдруг он увидел две коляски, которые переезжали вброд реку. То почти скрываясь под водой, то вновь появляясь, коляски вскоре достигли берега, и сидевшие в них поздоровались с Лу Чуном. Молодой человек открыл заднюю дверцу первой коляски и увидел дочь Цуя с трехлетним мальчиком на руках. Обрадованный Лу Чун протянул к ним руки, но женщина жестом остановила его и, указывая на другую коляску, сказала:

— Сначала повидайтесь с ним, господин.

Во второй коляске сидел сам шао-фу, и Лу Чун ему поклонился.

Затем женщина отдала ему мальчика. При этом она протянула также золотую чашку и свиток со стихами, которые гласили:

Этот гриб, ослепляющий взор,
Не похож на иные грибы.
Он являет виденья и сны,
Лучезарным сияньем охвачен.
А когда чудодейственный гриб

Расцветет по велению судьбы,
Счастлив будет владелец его,
Для которого он предназначен.
А бывает, что гриб не цветет,
Раскрываться не хочет бутон,
Потому что холодные дни
Наступили средь жаркого лета.
Он теряет свою красоту,
Гаснет слава. А что же потом?
Покидает избранник его,
Тот, что был озарен и согрет им...
Мы расстались навеки с тобой,
Свыше наша судьба решена.
Ты, как луч мимолетный, сверкнув,
Потерялся в заоблачной сини,
Ты внезапно меня разлюбил,
И тебе уже я не нужна.
Эта чаша поможет вскормить
Твоего несчастливого сына.
...Рано прерваны узы любви,
Только горю помочь я бессильна!

Перевод И. Голубева

Лу Чун взял сына, чашку и стихи, и обе коляски мгновенно исчезли. Он возвратился с мальчиком домой. Домашние и соседи говорили, что он привел оборотня, издали плевали на ребенка, но он оставался таким же, как и был.

Сначала все возненавидели мальчика, но потом прочли стихи и стали вздыхать о том, как непостижимо обещание между живыми и мертвыми.

Вскоре после этого Лу Чун в коляске поехал на рынок продавать чашку. Но он не хотел отдавать ее сразу и поэтому заломил высокую цену в надежде, что люди будут смотреть и кто-либо опознает, откуда эта чашка.

Случайно его увидела одна служанка, которая по возвращении домой сказала своей госпоже:

— Я видела на рынке человека, продававшего чашку, которую когда-то положили в гроб барышни Цуй.

Госпожа этой женщины приходилась родной теткой барышне Цуй по материнской линии. Она послала своего сына на рынок посмотреть, и все оказалось так, как рассказала служанка. Юноша влез в коляску Лу Чуна, назвал свое имя и сказал:

— Когда-то моя тетушка вышла замуж за шао-фу и родила ему дочь, которая умерла, еще не успев выйти

замуж. Матушка моя ее очень любила и подарила ей золотую чашку, которую положили в гроб умершей. Скажите, откуда у вас эта чашка?

Лу Чун подробно рассказал ему всю историю, и юноша, вернувшись домой, передал ее матери. Мать тотчас же послала слуг к Лу Чууну, чтобы те привели мальчика. Собрались все родственники.

Осанкой и манерами мальчик напоминал Цуев, а внешностью был похож на Лу Чуна. Достоверность этой истории подтверждала и золотая чашка.

Тетка сказала:

— Мой племянник родился в конце третьего месяца, а отец мой говорил: «Весна означает тепло, а стремление к счастью — самое сильное, что есть в человеке». Поэтому мальчику надо дать имя Вэнь-сю. Вэнь-сю означает также таинственное бракосочетание, предзнаменование которого явилось заранее.

Мальчик вырос красивым и талантливым. Он стал правителем области и получал высокое жалованье. Сыновья его и поныне наследуют шапку и зонт³. Его потомок Лу Чжи, известный также под вторым именем Цзы-гань, прославился по всей Поднебесной.

ЧЖАН ПУ БРОСАЕТ ДОЧЬ В РЕКУ

Чжан Пу — другое его имя было Гун Чжи — родом был неизвестно из каких мест. Он занимал должность наместника области У. Срок службы истек, и Чжан Пу вместе с семьей возвращался в столицу. Когда он проезжал мимо горы Лушань, его дети захотели посмотреть храм, построенный в честь владыки горы. Служанка, желая подразнить одну из дочерей хозяина, сказала, указывая на храм:

— Вот выдадим тебя замуж за бога этой горы!

В ту же ночь жене Чжан Пу приснилось, будто бог горы Лушань явился с подарками, обычными во время помолвки, и произнес: «Мой сын вырос неучтивым. Спасибо, что вы хотите взять его в зятя. Эти подарки — знак моей благодарности».

Женщина от удивления проснулась. Услышав от

³ Наследуют шапку и зонт — т. е. чиновничью должность.

служанки о шутке на горе, она упросила мужа немедленно ехать дальше. Но на середине реки лодка неожиданно остановилась. Людей охватил страх. Они побросали в реку свое имущество, но лодка не сдвинулась с места. Кто-то сказал, что надо бросить дочь — тогда лодка сможет плыть дальше.

— Теперь нам ведомо желание бога, — согласились все. — Зачем из-за одного человека рисковать всем семейством?

— Я не в силах сделать это, — сказал Чжан Пу.

Он велел жене бросить дочь в реку, а сам закрыл лицо. Тогда жена вместо дочери решила бросить в воду племянницу, дочь покойного брата Чжан Пу. Она растелила на воде циновку и велела девушке сесть на нее. После этого лодка двинулась. Чжан Пу, увидев дочь в лодке, сильно разгневался.

— Что вы наделали! Вы опозорили меня! — воскликнул он и с этими словами бросил в воду свою дочь.

Когда он с остальными домочадцами переправился через реку, то на берегу увидел дочь и племянницу. Около них стоял воин.

— Я — главный писец бога горы Лушань, — сказал он. — Мой повелитель благодарит вас, но простые смертные не могут стать женами бессмертных. Его растрогало ваше благочестие, и он возвращает вам обеих девушек.

Чжан Пу расспрашивал девушек, что с ними произошло после того, как они оказались в реке. Они отвечали, что видели красивые строения, военачальников, воинов, но им было даже невдомек, что они находились под водой.

ИСЧЕЗНУВШИЙ СТАРИК

В годы Цзянь-ань¹ в одном из домов Дунцзюня происходили странные вещи. То горшки и посуда гремели в пустой комнате, то блюда, стоявшие перед гостями, вдруг куда-то пропадали, то яйца, снесенные курами, исчезали. Так продолжалось несколько лет. В конце концов это надоело хозяевам. Они наготовили много

¹ Цзянь-ань — один из девизов правления хаьнского императора Сянь-ди, приходящийся на годы 196—219.

вкусных угощений, поставили их в одной из комнат, а сами спрятались за открытыми дверьми и стали ждать. Через некоторое время послышались привычные звуки. Сидевшие в засаде быстро захлопнули двери и обшарили в темноте всю комнату, но ничего не обнаружили. Тогда хозяйева стали наугад бить палками по воздуху, и вот в одном из углов послышался стон:

— Помогите... Помогите... Умираю...

Тогда распахнули двери и увидели древнего старца; он почти утратил человеческий облик. Из его бессвязных слов хозяйевам удалось выяснить, что дом его находится в нескольких ли. Разыскали родственников старика, и те сообщили, что он исчез более десяти лет назад. Они и радовались и горевали, когда он объявился. Через год он снова пропал. А потом стало известно, что странные вещи стали твориться в области Чэньлю.

Люди считали, что это опять проказничает старик.

СЕСТРИЦА ДИН

Шестнадцатилетняя девушка из Даньяна по имени Дин вышла замуж за юношу Се из Цюаньцзяо. Свекровь была женщина сварливая и злая; если невестка не успевала сделать в срок какую-нибудь работу, старуха била ее палкой. В первый же год после замужества, в девятый день девятого месяца, молодая женщина наложила на себя руки.

Ее душа часто посещала людей. Однажды через предсказателя она объявила:

— Мне жалко женщин, не знающих отдыха, так пусть в девятый день девятого месяца они не делают никакой работы.

Приняв вид молодой девушки, она в зеленой одежде направилась к броду Нючжу, чтобы перебраться на другой берег. Она попросила двух мужчин, ловивших с лодки рыбу, перевезти ее через реку. Рыбаки принялись потешаться над ней:

— Ублажи нас, тогда перевезем.

— Я думала, вы люди порядочные, но теперь вижу, что глупцы,— сказала девушка.— Если вы простые смертные, то умрете в грязи, если же духи, то сгинете в воде.

Вскоре показалась лодка, нагруженная сеном; в лодке сидел старик, и девушка обратилась с просьбой к нему.

— На лодке нет навеса,— отвечал старик.— Для такой красивой девушки моя лодка не годится.

Но девушка сказала, что это ее не пугает. Тогда старик скинул половину сена, девушка вошла в лодку, и она медленно направилась к другому берегу. Ступив на землю, девушка сказала старику:

— Я — дух. Я могла и сама переправиться через реку, но мне хочется, чтобы о моем появлении стало известно людям. Ты хорошо сделал, что перевез меня. Тебе не жаль было расстаться с сеном. За твою доброту я хочу тебя отблагодарить. Возвращайся назад, и ты увидишь нечто необыкновенное.

— Как я могу принять твою благодарность? — отвечал старик.— Ведь в моей лодке тебе было так неудобно.

Плывя обратно, старик заметил двух утопленников; он проплыл еще несколько ли и увидел тысячи рыб, выпрыгивающих из воды,— ветер выбрасывал их на берег. Старик выкинул остальное сено, нагрузил лодку рыбой и возвратился домой.

Душа Дин поселилась в Даньяне, и с тех пор люди, жившие к югу от Янцзы, называли ее не иначе, как сестрица Дин. Девятый день девятого месяца стал для женщин праздником — в этот день они не работали. И по сей день люди чтут сестрицу Дин.

ДВА ДРУГА

Во время династии Хань в деревне Цзиньсян округа Шаньян жил человек по имени Фань Ши, второе имя его — Цзюй-цин. Его другом был Чжан Шао из Жунани, известный также под именем Юань-бо. Оба они обучались в столице, и, когда пришло время возвращаться домой, Фань сказал Чжану:

— Ровно через два года я приеду тебя проведать.

Юноши запомнили день встречи, и, когда срок стал подходить, Чжан попросил свою мать подготовиться к приему гостя.

— Ты не видел своего приятеля два года, он нахо-

дится отсюда за тысячу ли, как можно верить его обещанию? — удивилась мать.

— Фань — человек надежный, он никогда своего слова не нарушит, — ответил Чжан.

— В таком случае я приготовлю для вас вино, — обещала мать.

В назначенный день Фань приехал. Он вошел в дом и поздоровался с семейством Чжана. Гость пировал вместе со всеми и радовался встрече.

После отъезда друга Чжан неожиданно сильно занемог. Его приятели Дао Цзюнь-чжан и Инь Цзы-чэн находились около больного и днем и ночью. Перед смертью Чжан, вздохнув, сказал:

— Скорблю, что не могу увидеть еще раз моего лучшего друга.

— Разве мы с Дао не ухаживаем за тобой, как настоящие друзья? — обиделся Инь. — Кто тебе еще нужен?

— Вы — мои друзья, пока я жив, а Фань останется моим другом и после смерти, — сказал больной и умер.

Тем временем Фань вдруг увидел своего друга во сне; Чжан был в туфлях и в черной шапке с кисточками. Он назвал ему день своих похорон, потом воскликнул: «Цзюй-цин! Я ушел в другой мир. Не забывай меня! Не забывай меня! Встретимся ли мы когда-нибудь?»

Проснувшись, Фань долго горевал и проливал слезы. Потом, надев белые траурные одежды, отправился в путь, чтобы в назначенный день попасть на похороны.

Фань был еще в пути, а похороны уже начались. Но когда стали опускать гроб в могилу, обнаружилось, что гроб не входит в яму. Мать покойного постучала по гробу рукой и спросила:

— Сын мой, ты кого-то ждешь?

Похороны приостановили. В это время показалась белая повозка, запряженная белыми конями. Разглядев подвезжающего, мать Чжана сказала:

— Это не кто иной, как Фань Цзюй-цин.

Фань, громко рыдая, бросился на гроб и воскликнул:

— Мы расстаемся, друг! Смерть разлучила нас, нам предстоят разные пути. Прощай!

И все присутствовавшие на похоронах — более тыся-

чи человек — заплакали. Фань взялся за веревку, гроб опустился.

Фань привел могилу друга в порядок, посадил около нее деревья и только потом уехал.

КОНЬ ПОЛКОВОДЦА

В старину рассказывали, что как-то один полководец отправился в дальний поход. Дома у него осталась только дочь, так как других родственников не было, да еще был конь, за которым девушка ухаживала. Жила она скромно и думала лишь о своем отце. Однажды шутя она сказала, обращаясь к коню:

— Если бы ты мог сделать так, чтобы отец вернулся, я вышла бы за тебя замуж.

Услышав эти слова, конь порвал привязь и умчался.

При виде своего коня хозяин обрадовался и в то же время заволновался. Он поймал коня, тот жалобно ржал.

— Это все не без причины, — сказал полководец, — наверное, дома что-нибудь случилось.

Он тут же вскочил на коня и поскакал домой.

С этих пор коню за его преданность давали лучший корм, но он отказывался от всего. И каждый раз, завидев дочь хозяина, то радостно, то гневно ржал и бил копытами. Отец заметил это и удивился. Однажды он расспросил дочь, и она рассказала, в чем дело.

Тогда полководец убил коня из лука, а шкуру его повесил для просушки во дворе.

Однажды, когда полководец снова уехал, его дочь с соседкой стали насмехаться над шкурой. Ударив ее ногой, девушка сказала:

— Ты — животное, а захотело взять в жены девушку, вот тебя и убили.

Не успела она произнести эти слова, как шкура вдруг вздыбилась и обвила девушку. Соседка до того испугалась, что не осмелилась прийти ей на помощь. Она поспешила к отцу девушки и рассказала ему о случившемся. Когда он вернулся, ни дочери, ни шкуры уже не было.

Прошло много дней. Однажды среди ветвей большого дерева полководец заметил странные коконы — это в них превратились девушка и шкура коня. Особенно много

скопилось коконов на вершине дерева, и были они больше обычных. Соседка собрала их, вырастила и сняла такой урожай, какого никто еще и не видывал.

Дерево называлось «сан» — тутовое. С тех пор слово «сан», только в другом написании, стали называть траурный обряд.

И по сей день народ разводит этот вид коконов.

МАЛЬЧИК НА ДЕРЕВЕ

Во времена царства У¹ гражданский чиновник Чжу Дань — другое имя его Юн-чан — был переведен из Хуайнани в Цзяньань, где занял должность правителя области.

У этого правителя был секретарь, про жену которого говорили, будто она одержима бесом. До мужа дошли слухи о ее распутстве, и однажды, сказав, что уходит из дому, он проделал в стене дырочку и стал тайком наблюдать за женой. Он увидел, что жена сидит за ткацким станком и кокетничает с кем-то. На тутовом дереве секретарь разглядел мальчика лет пятнадцати в черной одежде и черной шапке и, полагая, что тот явился к жене с какой-нибудь запиской, выстрелил в него из лука.

Мальчик превратился в цикаду, огромную, как корзина, и улетел прочь. В этот момент послышался испуганный голос жены:

— Ой! Кто-то пустил в вас стрелу!

Муж был удивлен всем этим.

Через некоторое время он повстречал на дороге двух мальчиков, которые вели между собой разговор.

— Почему тебя так давно не было? — спросил один.

— Меня кто-то подстрелил, и я долго лежал, — отвечал другой, и секретарь узнал в нем того самого мальчика, которого видел на дереве.

— А сейчас как ты себя чувствуешь? — спросил первый.

— Я смазал рану краской, которая хранится на стропилах в доме правителя Чжу. Теперь мне немного лучше.

¹ Царство У существовало с 220 по 280 г.

Тогда секретарь поспешил к правителю и спросил его:

— Известно ли вам, что у вас воруют краску?

— Краска находится на стропилах, украсть ее невозможно,— отвечал правитель.

— А вы все же посмотрите,— посоветовал секретарь.

Правитель ему не поверил, но тем не менее осмотрел печать на сосуде — она оказалась неповрежденной.

— Ты несешь вздор,— сказал правитель.— Краска на месте.

— Нет, вы распечатайте сосуд,— настаивал секретарь.

Сосуд открыли, он был наполовину пуст, на краске виднелись следы когтей. Правитель очень удивился и спросил, в чем дело. И тогда секретарь рассказал ему о том, что услышал от мальчика.

ВСТРЕЧА С ЧУДИЩЕМ

В годы правления Хуан-чу¹ династии Вэй какой-то всадник, проезжая ночью по местности Дунъюю, увидел на дороге существо величиною с зайца, с глазами как плоски.

Это существо прыгало впереди коня на некотором расстоянии. Испугавшись, всадник свалился с лошади, и существо пыталось его схватить. От страха всадник лишился чувств. Когда он понемногу пришел в себя, чудища возле него не было. Он взобрался на лошадь и двинулся дальше. Проехав несколько ли, он нагнал пешего путника. После обычных приветствий всадник рассказал, что с ним произошло, и выразил радость, что встретил человека.

— Я иду один,— сказал тот,— с вами мне будет веселее. Вы ежайте впереди, а я буду следовать сзади.

И они двинулись в путь.

— Что же это за тварь, которая вас так напугала?— спросил через некоторое время попутчик.

— Она похожа на зайца, а глаза у нее как две плоски. Жуть как страшно,— ответил всадник.

¹ Правление под девизом Хуан-чу — 220—226 гг.

— Оглянись-ка на меня,— сказал вдруг пеший.

Всадник обернулся и увидел, как его спутник превратился в чудище и быстро вскочил к нему на коня.

Всадник с перепугу снова лишился чувств и упал на землю.

Дома были очень удивлены, когда обнаружили, что лошадь вернулась одна. Отправились на поиски и нашли своего родственника лежащим возле дороги. Он пришел в себя только на следующий день и рассказал обо всем, что с ним произошло.

СТАРЫЙ КОТ

Во времена династии Цзинь¹ жил в Усине один человек. У него было двое сыновей. Часто во время полевых работ он бранил их и даже бил. Братья пожаловались своей матери, а та обратилась с распросами к мужу.

Отец очень удивился — ему стало ясно, что это проделки оборотня. Он велел сыновьям достать свои мечи и убить оборотня. Но оборотень не появлялся. Отец, опасаясь, как бы оборотень не причинил вреда сыновьям, сам отправился на поле.

Братья, решив, что перед ними нечисть в облике отца, убили отца и закопали останки в землю. Оборотень же, приняв облик отца, пришел домой и сказал домоладцам, что сыновья убили оборотня. Братья вернулись домой, и все их поздравляли.

Прошло более года, никто ни о чем не догадывался. Однажды мимо дома проходил монах, он сказал братьям:

— У вашего отца совесть нечиста.

Братья рассказали об этом отцу, тот сильно разгневался. Братья вернулись к монаху и велели ему побыстрее убраться. Но монах вошел в дом, произнес нараспев заклинание, и отец превратился в огромного старого кота, который тут же забрался под кровать. Его вытащили оттуда и убили. Братья поняли, что они закололи родного отца. Они устроили в честь отца пышные похороны. Потом один из братьев покончил с собой, другой умер от угрызений совести.

¹ Династия Цзинь правила с 265 по 420 г.

Лай Цзи-дэ, ведавший в Наньяне общественными работами, скончался и был погребен, но вдруг он объявился снова. Он восседал на жертвенном ложе в обычной одежде и говорил своим прежним голосом. Он отдавал распоряжения внукам, сыновьям и женщинам, наказывал слуг — каждого в соответствии с совершенным проступком. Поев и попив, он со всеми простился и ушел, оставив семью в сильном смятении. Так в течение нескольких лет он время от времени появлялся в доме, вызывая отвращение у родных. Но вот однажды, выпив особенно много вина и захмелев, он принял свой истинный облик, превратился в старого пса. Люди бросились на него и убили. Позже выяснилось, что этот пес из деревенской харчевни.

СТАРЫЙ ЛИС

В Западной части Наньяна стоял пустой дом, в нем никто не хотел жить — стоило там поселиться, случалась беда.

Сун Да-сянь, житель тех же мест, был человек не робкий. Однажды вечером он взобрался на второй этаж этого дома и начал играть на лютне. В полночь перед Суном появилось привидение с омерзительной внешностью; у него были сверкающие глаза и острые зубы. Сун продолжал играть, словно ничего не произошло. Дух удалился, но тут же вернулся с человеческой головой в руках.

— Не хочешь ли немного соснуть? — спросил он Суну и бросил перед ним голову.

— Охотно! — ответил Сун. — У меня, правда, нет подушки, но это вполне ее заменит.

Привидение снова удалилось и вскоре опять вернулось.

— Хочешь побороться со мной?

— Давай! — согласился Сун.

Тут он крепко схватил привидение обеими руками. Дух запросил пощады, но Сун прикончил его. Утром он увидел, что это был старый лис.

С тех пор нечисть в доме перевелась.

*ПЯТНИСТЫЙ ЛИС,
ЖИВШИЙ У ДРЕВНЕЙ МОГИЛЫ*

Чжан Хуа — второе его имя было Мао-сянь — ведал общественными работами при цзиньском императоре Хуай-ди¹. В те времена около могилы яньского князя Чжао жил старый пятнистый лис-оборотень. Однажды он захотел посетить Чжан Хуа и принял облик ученого. Но прежде он обратился с вопросом к столбу, воздвигнутому перед могилой в честь заслуг покойного:

— Смогу ли я в этом облике увидеть Чжан Хуа?

— При твоей ловкости и проницательности для тебя нет ничего невозможного, — отвечал столб. — Однако Чжан Хуа столь мудр, что его трудно обмануть. Пойдешь — только беду на себя накличешь. И я пострадаю.

Лис не послушался совета и отправился к Чжан Хуа. Чиновник, увидев перед собой вежливого молодого ученого с бледным, как нефрит, лицом и приятными манерами, принял его с большим почетом. Они беседовали о литературе, об изменчивости бытия, и Чжан Хуа узнал много такого, о чем раньше не имел понятия. Потом они подробно потолковали о трех исторических книгах², о литературных трактатах, о сокровенном в сочинениях древних философов Лао-цзы и Чжуан-цзы. Вспомнили лучшие места из «Книги песен», помянули десять мудрецов и три начала — небо, землю и человека, перечислили восемь школ последователей Конфуция и пять видов церемоний. В этих разговорах Чжан Хуа выказал меньше знаний, чем его гость. Тогда он вздохнул и сказал:

— Разве может простой смертный быть таким мудрым? Ты, наверное, привидение или лис.

И Чжан Хуа велел взять юношу под стражу.

— Ваша честь, вы мудры, радуетесь добру и выказываете скромность. Почему же вы гневаетесь, если встречаете образованного человека? Разве это соответствует учению философа Мо-цзы о всеобъемлющей любви? — возразил юноша и попросил разрешения удалиться. Но стражники не пропустили его через ворота. Тогда юноша снова обратился к Чжан Хуа:

¹ Император Хуай-ди правил с 307 по 312 г.

² В эту эпоху так называли «Исторические записки» Сыма Цяня, «Историю династии Хань» и «Записки о династии Хань».

— У ворот вооруженные стражники, пешие и конные. Вы, видимо, меня в чем-то подозреваете. Выходит, в Поднебесной нужно держать язык за зубами, а люди, идущие к вам за мудростью, могут только издали глядеть на ваши ворота. Я, ваша честь, глубоко сожалею об этом.

Чжан Хуа оставил без ответа речи юноши, лишь велел усилить охрану.

В то время правителем Фэнчэна был Лэй Хуань — другое его имя было Кун Чжан, — человек больших знаний. Он как раз приехал навестить Чжан Хуа, который и рассказал ему про ученого-юношу.

— Если у вас есть сомнения, — сказал Лэй Хуань, — почему бы не привести охотничью собаку?

Увидев пса, юноша сказал:

— Я умен и талантлив, а вы принимаете меня за оборотня и хотите на меня натравить пса. Можете подвергнуть меня любым испытаниям — все равно не причините никакого вреда.

Эти речи еще сильнее разгневали Чжан Хуа.

— Это оборотень, теперь я не сомневаюсь! — воскликнул он. — Я слышал, что собак боятся лишь оборотни, прожившие всего несколько сот лет. Но если оборотней, живущих дольше, осветить факелом из тысячетлетнего дерева, они сразу же примут свой подлинный облик.

— Где же мы возьмем такое дерево? — спросил Лэй Хуань.

— Говорят, что столбу, стоящему перед могилой князя Чжао, тысяча лет, — отвечал Чжан Хуа.

И он послал человека срубить столб. Когда слуга подошел к могиле, вдруг появился отрок в черных одеждах и спросил:

— Что вас сюда привело?

— К господину Чжан Хуа, ведающему общественными работами, явился молодой человек до того ученый и образованный, что мой господин усомнился, не оборотень ли он. Меня послали срубить этот столб, чтобы сделать из него факел и подвергнуть юношу испытанию.

— Как глуп старый лис! — воскликнул отрок. — Не послушался моего совета и навлек на меня беду!

Стеная и плача, он исчез.

Слуга начал рубить столб — из-под топора брызнула кровь. Когда зажгли факел и осветили огнем юношу, тот сразу же превратился в пятнистого лиса.

— Если бы эти два существа не встретились на моем пути, — сказал Чжан Хуа, — то и через тысячу лет люди бы от них не избавились.

И он сварил лиса.

ТЫСЯЧЕДНЕВНОЕ ВИНО

Ди Си из Чжуншани умел приготавливать тысячедневное вино: хлебнешь — и тысячу дней пьян.

Однажды Лю Сюань-ши, житель тех же мест, большой пьяница, пришел к Ди Си и попросил вина.

— Мое вино еще не готово, — отвечал винодел, — я не могу тебя угостить.

— Не беда, если не готово, дай хоть чарочку.

Ди Си налил. Пьяница выпил и снова попросил:

— Превосходное вино! Налей, пожалуйста, еще!

— Лучше ступай домой, — отвечал винодел. — И от одной чарки будешь пьян тысячу дней.

Пьяница обиделся. Придя домой, он крепко заснул. Родственники, ничего не подозревая, думали, что он умер, оплакали его и похоронили.

Прошло тысяча дней, и Ди Си подумал: «Сюань-ши, наверно, протрезвился, надо его проведать».

И он отправился к пьянице.

— Сюань-ши дома? — спросил он.

Домочадцы очень удивились:

— Он давно помер. Уже и траур кончился.

— Это от моего вина он проспал тысячу дней, но сейчас, должно быть, очнулся, — забеспокоился винодел.

Он велел родственникам пьяницы разрыть могилу. Из могилы пошел горячий пар. Когда пьяницу вытащили из гроба, он открыл глаза и разинул рот:

— Вот это вино! Никогда я так не напивался! — Потом спросил у Ди Си:

— Как ты его делаешь? От одной чарки охмелел, только сейчас проснулся. А какой сегодня день?

Люди, стоявшие вокруг могилы, рассмеялись.

А все, кто нанюхался винных паров, потом валялись пьяными три месяца.

В Цюнду жила одна старая бедная женщина. Однажды, когда женщина принялась за свою скромную еду, она увидела на кровати змейку, на голове которой был рог. Старуха пожалела ее и оставила у себя. Змея росла, росла и стала длиною в три локтя. Случилось так, что она ужалила лучшего скакуна правителя. Тот сильно разгневался и потребовал у старухи змею.

— Она под моей кроватью, — сказала старуха.

Обшарили все жилище, но змею не нашли. В гневе правитель убил старуху.

Тогда змея послала к правителю околдованного ею человека, и тот сказал:

— Ты убил мою мать. Я буду мстить за нее.

После этого сорок ночей подряд гремел гром и завывал ветер. А люди при встрече говорили друг другу: «Что это у тебя вдруг выросла рыба голова?»

В одну ночь вся местность на десять ли в округе, включая и город, обнесенный стеной, провалилась, словно в яму, а на этом месте образовалось озеро, которое жители называли Сяньху, что значит Яма-озеро. Уцелела лишь хижина старухи, она и поныне стоит там. Рыбаки, отправляющиеся на лов, укрываются в ней во время бури. Когда нет ветра и вода прозрачная, в озере виден город, его стены и башни. Когда озеро мелеет, местные жители ныряют за деревьями, ставшими от воды твердыми и блестящими, как лак. Эти деревья очень ценятся. Изголовья, сделанные из такого дерева, — прекрасный подарок.

РАССКАЗЫ О БЕССМЕРТНЫХ

КАК ВЭЙ БО-ЯН ПРИТВОРИЛСЯ МЕРТВЫМ

Вэй Бо-ян был уроженцем местности У. Сын богатых родителей, он тем не менее посвятил себя изучению магии даосов. С тремя своими учениками он удалился в горы, чтобы заняться приготовлением волшебного зелья, которое сделало бы людей бессмертными. И вот зелье было готово. Но Вэю показалось, что его ученики еще не совсем отрешились от мирских соблазнов, и он решил подвергнуть их испытанию.

— Зелье готово, но его сначала следует испытать на собаке, — сказал Вэй. — Если собака улетит, то зелье годится и для людей. Если же собака околеет, его принимать нельзя.

Когда собаке дали зелье, она издохла.

— Мы добыли зелье, но собака от него издохла, — сказал Вэй своим ученикам. — Боюсь, что боги не покровительствуют нашей затее стать бессмертными. И если мы примем зелье, то, наверное, разделим участь собаки. Что делать?

— И вы хотите его испытать, учитель? — спросили ученики.

— Я отрекся от мира, покинул семью и ушел в го-

ры, — сказал Вэй. — Вернуться обратно ни с чем — значит покрыть себя позором. Умру я или нет, но я должен попробовать зелье.

Он принял зелье и тотчас же умер. Ученики переглянулись.

— Мы готовили зелье, чтобы стать бессмертными, а если оно приносит смерть, какой от него прок? — сказали два ученика.

— Наш учитель — человек необыкновенный, — молвил третий ученик, по имени Лю. — Раз он решил принять зелье и умереть, значит, сделал это неспроста.

И он тоже принял зелье и умер.

Двое оставшихся учеников сказали друг другу:

— Если зелье умерщвляет людей, зачем нам его принимать? Не примем — так проживем по крайней мере еще несколько десятков лет.

И они покинули горы, чтобы приготовить все необходимое для похорон учителя и ученика.

После того как они ушли, Вэй встал, влил свое зелье в рот ученику и в пасть собаке, и те ожили. Они стали бессмертными. На дороге им встретились дровосеки, и Вэй Бо-ян дал им прощальное письмо к своим друзьям. Покинувшие его ученики сильно сетовали на себя, получив письмо от Вэя.

ЧЖАН ДАО-ЛИН И ЕГО УЧЕНИКИ

Чжан Дао-лин, уроженец области Пэй, был учеником императорской академии и хорошо знал «Пятикнижне»¹. Однажды он со вздохом сказал:

— К сожалению, все мои знания не могут продлить жизнь.

И он занялся поисками пути, ведущего к бессмертию. Он постиг способ приготовления снадобья императора Хуан-ди, которое получается после девятикратного нагревания особого состава на драгоценном треножнике.

¹ «Пятикнижне» — древнейший литературный памятник, составная часть конфуцианского канона. В него входят: «Шицзин» («Книга песен»), «Шуцзин» («Книга историй»), «Ицзин» («Книга перемен»), «Лицзи» («Книга церемоний»), «Чуньцю» («Книга летописей»).

Но приготовление такого снадобья стоило дорого, а Чжан Дао-лин был беден. Тогда он решил заняться земледелием и разведением скота. Однако у него не было склонностей к этим занятиям, и он оставил их. Он слышал, что люди, живущие в области Шу, отличаются честностью, терпимы к любой вере, и подумал, что сможет беспрепятственно проповедовать там свое учение. И Чжан Дао-лин отправился со своими учениками в область Шу, он поселился там на одной из знаменитых гор — Журавлиной. Он написал книгу о добродетели, состоящую из двадцати четырех частей, которой отдал всего себя, и этот труд укрепил его дух.

Однажды к нему спустились небожители — кто верхом на конях, кто верхом на драконах, кто на тиграх, а кто и в колесницах, золотых повозках с балдахинами из перьев. Одни смиренно называли себя писцами, другие — отроками Восточного моря. Они научили Чжан Дао-лина лечить различные болезни. И стали к нему стекаться люди, желавшие служить ему и называвшие его своим учителем. Тогда назначил он начальников и дал им уложения, согласно которым они должны были управлять поселянами. И наказал ученикам своим и поселянам приносить рис и шелк, утварь всякую, бумагу и кисти, хворост и другие необходимые вещи. Он повел людей прокладывать мосты и дороги. Каждый был занят делом: одни срезали траву, другие носили на поля навоз. Глупцы, которые не знали о трудах Чжан Дао-лина, полагали, что все это делается по велению неба.

Чжан Дао-лин стремился править милосердно и неохотно прибегал к наказаниям. Но тех, кто пытался уклониться от работы, он наказывал.

Он повелел, чтобы все провинившиеся записывали на бумаге совершенные ими грехи и проступки и бумажку ту бросали в воду, произнося при этом клятву богам никогда их не повторять. А кто повторит — того карать смертью. Так люди возвращались к праведной жизни, они не смели уже впадать в прегрешения, страшась неба и земли. Так провинившиеся вставали на путь добра.

Чжан Дао-лин стал обладателем больших богатств и смог наконец купить лекарства, необходимые для снадобья. Приготовив его, Чжан Дао-лин принял только половину — он не хотел сразу вознестись на небо. Теперь он имел возможность являться одновременно в несколь-

ких обликах. Перед его домом был небольшой пруд, где Чжан Дао-лин часто катался на лодке, в то время как второй Чжан Дао-лин принимал в своем доме монахов и других гостей, разговаривал с ними, пил и ел.

Свой способ приготовления снадобья он извлек из основных принципов учения даосов, изменив лишь некоторые соотношения составных частей и порядок их смешивания. У великих даосов он также научился, как правильно дышать и какую пищу полезно употреблять. Поэтому он говорил своим ученикам:

— Многим из вас чужды мирские желания — вы готовы отречься от мира. Я могу научить вас, как продлить свой род и какие употреблять травы, чтобы прожить несколько сот лет.

Однако самые сокровенные познания он передал лишь Ван Чжану. Он предсказал также, что в седьмой день первого месяца с востока придет человек, который станет их учителем. Он описал внешность этого человека.

И вот наступил седьмой день первого месяца. С востока пришел человек по имени Чжао Шэн, и внешность его в точности соответствовала описанию Чжан Дао-лина.

Чжан Дао-лин подверг пришельца семи испытаниям, и тот выдержал их. И тогда Чжан Дао-лин открыл ему секрет приготовления своего снадобья.

Первое из семи испытаний было таким. Когда пришелец появился у ворот, Чжан Дао-лин послал людей, которые стали бранить и поносить его. Более сорока дней незнакомец переносил брань и унижения, но не ушел и тогда был допущен в дом.

Затем Чжан Дао-лин приказал пришельцу охранять поля от диких животных. Ночью к нему явилась дева необычайной красоты; она сказала, что пришла из дальних мест. Дева просила приютить ее и легла рядом с Чжао Шэном. На другое утро она пожаловалась, что не может отправиться в путь, так как у нее разболелись ноги. В течение нескольких дней дева искушала его, но Чжао Шэн не поддавался соблазну.

В третий раз Чжао Шэн шел по дороге и вдруг увидел тридцать кувшинов, наполненных золотом. Он прошел мимо, не взяв золота.

Четвертому испытанию пришелец подвергся, когда его послали в горы за хворостом. Три тигра бросились на Чжао Шэна и разодрали на нем одежду. Однако

Чжао Шэн не выказал страха и даже не переменялся в лице. Он сказал тиграм:

— Я — даосский монах и в молодости не совершал грехов. Я прошел тысячу ли, чтобы служить своему учителю и обрести бессмертие, а вы на меня бросаетесь. Вас, наверное, послали духи гор, чтобы испытать меня?

И тигры убежали прочь.

Пятое испытание было такое. Чжао Шэн хотел купить на рынке несколько кусков шелка, но купец отказался взять деньги, сказав, что они якобы фальшивые. Тогда Чжао Шэн снял свое платье и без гнева отдал его в уплату за шелк.

Шестому испытанию он подвергся, когда снова охранял поля. Появились трое нищих; униженно кланяясь, они просили еды. Покрытые язвами, в рубище, вонючие, они были омерзительны. Однако Чжао Шэн пожалел их: подарил свою одежду, накормил и отдал им свой рис.

И наконец, наступило седьмое испытание. Чжан Дао-лин повел всех своих учеников на утес, вздымавшийся до облаков. На отвесном склоне, над бездонной пропастью, словно человеческая рука, свисало персиковое дерево, усыпанное плодами.

И вот Чжан Дао-лин сказал своим ученикам:

— Кто добудет плод, узнает тайну бессмертия.

Триста учеников, наклонившись, со страхом смотрели на дерево. Они вспотели, ноги их дрожали. Не имея сил больше смотреть вниз, они один за другим отступали от края скалы, бормоча, что это испытание им не по силам.

Только Чжао Шэн сказал:

— Если боги благосклонны ко мне, чего мне бояться! Наш святой учитель находится здесь — он не даст мне погибнуть в бездне. Раз учитель говорит, значит, плоды можно достать.

Он прыгнул со скалы и повис на дереве. Он нарвал плодов столько, сколько влезло за пазуху. Скалы были отвесны — ни упереться, ни ухватиться не за что, поэтому Чжао Шэн не мог вернуться обратно. Тогда он стал бросать персики на скалу — один за другим — всего триста плодов и еще два.

Чжан Дао-лин роздал персики ученикам — каждому по одному, один плод съел сам, а один оставил для Чжао Шэна. Затем он протянул руку Чжао Шэну, чтобы помочь ему взобраться на скалу. И ученики увидели, что

рука учителя вдруг сильно вытянулась, и Чжао Шэн снова очутился среди них. После того как он съел плод, учитель подошел к самому краю скалы и сказал:

— У Чжао Шэна чистое сердце, поэтому он не упал в бездну.

Тут он усмехнулся:

— Я тоже хочу нарвать плодов, только покрупнее.

Все ученики, кроме Чжао Шэна и Ван Чжана, умоляли его не прыгать. Однако учитель бросился вниз. Вокруг громоздились отвесные скалы, внизу зияла бездонная пропасть. Дороги назад не было. Ученики плакали и стонали, лишь Чжао Шэн и Ван Чжан молчали. Потом кто-то из них сказал:

— Раз учитель — наш отец — бросился в пропасть, разве мы можем оставаться здесь?!

Оба бросились в бездну — и вдруг очутились... перед учителем. Скрестив ноги, он сидел на ложе за пологом и улыбался:

— Я знал, что вы последуете за мной.

И учитель поведал Чжао Шэну и Ван Чжану свои тайны.

Через три дня они вернулись в свое прежнее жилище и нашли остальных учеников в страхе и стенаниях. Потом среди бела дня учитель, Чжао Шэн и Ван Чжан вознеслись на небо... Ученики долго смотрели им вслед, пока все трое не исчезли в облаках.

ВОЛШЕБНИК ЦЗО ЦЫ

Цзо Цы — второе его имя Юань-фан — был родом из Луцзяна. Он хорошо знал «Пятикнижие» и был сведущ в астрономии.

Цзо Цы видел, что династия Хань приходит в упадок и всю страну охватили смуты. «Во времена смут опасно быть вельможей, а богачом и подавно, — думал он, — слава и богатство ничего не стоят».

Он углубился в учение даосов и вскоре достиг совершенства в магии: духи по его приказанию подавали ему еду, где бы он ни находился.

Цзо Цы предавался размышлениям в горах Таньчжу; там, в каменной пещере, он нашел книгу, в которой говорилось, как надо готовить снадобье, превращаю-

щее одни вещества в другие. Не перечислить всех чудес, которые творил Цзо Цы, обладая таким снадобьем.

Молва о нем дошла до Цао Цао¹, и тот велел привести волшебника. Цао Цао приказал посадить мага в каменную темницу, поставил у входа стражников и не велел давать узнику еды в течение года. Однако по истечении срока Цзо Цы вышел из темницы цел и невредим. Правитель убедился, что Цзо Цы — волшебник, иначе как бы он мог обходиться без пищи. И он решил убить Цзо Цы, но волшебник попросил разрешения удалиться.

— Почему ты хочешь уйти? — спросил Цао Цао.

— Потому что вы собираетесь убить меня, — ответил Цзо Цы.

Правитель сказал, что у него и в мыслях такого не было, обещал исполнить любую просьбу мага и даже пригласил его на пир.

— Хорошо! — согласился Цзо Цы. — Прежде чем уйти, я с удовольствием выпью с вами чарку вина.

Стояла зима, подогретое вино оказалось слишком горячим. Цзо Цы вынул из волос шпильку, чтобы размешать вино, и вдруг шпилька стала невидимой. Цао Цао захотелось первому отпить вина из чарки мага. Цзо Цы провел шпилькой линию на вине, и оно разделилось на две равные части; он выпил половину, а другую передал правителю. Но у того вдруг зародилось подозрение, и он не стал пить вино; тогда Цзо Цы, испросив разрешения, осушил чарку до дна. Потом подбросил ее к потолку, и она повисла в воздухе, как парящая птица. Все гости следили за чаркой, удивляясь, что она не падает. Тем временем Цзо Цы исчез, а соглядатап донесли, что он вернулся домой.

Теперь правитель решил непременно убить Цзо Цы — ему хотелось посмотреть, сможет ли волшебник избежать смерти. И он приказал схватить Цзо Цы. Но тот спрятался в стаде овец, и преследователи не могли его отыскать. Тогда они стали пересчитывать все стадо — оказалось, что среди овец появился баран. Они поняли, что это волшебник.

¹ Цао Цао — знаменитый полководец и политический деятель последних десятилетий династии Хань (конец II — начало III в. н. э.) и начала эпохи Троецарствия; его жестокость и коварство вошли в поговорку.

— Наш господин хочет видеть тебя,— сказали преследователи.— Подойди, не бойся.

Огромный баран вышел вперед и упал на колени:

— Это правда?

— Вот он! — вскричали преследователи и бросились к барану.

Но тут вдруг все овцы превратились в баранов и попадали на колени, повторяя:

— Это правда? Это правда?

И снова они не смогли схватить волшебника.

Позднее какому-то человеку стало известно местопребывание Цзо Цы, и он сообщил об этом правителю. Тот послал людей арестовать волшебника, и на этот раз им удалось схватить Цзо Цы, но не потому, что он не смог исчезнуть — просто волшебник хотел еще раз показать свое искусство.

Цзо Цы бросили в темницу. Когда тюремщик пришел, чтобы подвергнуть волшебника пытке, он увидел двух Цзо Цы — один находился в темнице, другой — перед дверью. И тюремщик не мог угадать, кто из них настоящий Цзо Цы.

Цао Цао еще больше возненавидел мага и приказал казнить его на рыночной площади. Однако Цзо Цы снова исчез. Тогда стражники закрыли все городские ворота и стали разыскивать беглеца. На вопросы людей, каков Цзо Цы, стражники отвечали:

— Он крив на один глаз, шапку носит черную, и одежда на нем черная. Кто увидит его — пусть схватит.

Но тут же все находившиеся на рыночной площади стали кривыми и оказались в черных шапках и черной одежде, и среди них Цзо Цы поймать не удалось.

Правитель приказал убивать каждого, кто был похож на Цзо Цы. Через некоторое время один стражник заметил подозрительного и убил его. Цао Цао, узнав об этом, очень обрадовался. Когда же убитого принесли к правителю, перед ним оказалась охапка соломы, а труп исчез.

Приезжавшие из других мест говорили, что видели Цзо Цы в Цзилчжоу. Губернатор Лю Бяо решил поймать Цзо Цы и казнить за колдовство. Он вызвал свои войска.

Цзо Цы, узнав, что губернатор желает своими глазами увидеть его искусство, пришел к нему и сказал:

— Я хочу преподнести каждому из ваших солдат скромный подарок.

— Ты ведь пришелец и совсем один, а у меня солдат много, как же ты можешь одарить каждого? — удивился Лю Бяо.

Цзо Цы стоял на своем. Тогда губернатор велел обыскать его, и стражники нашли при нем лишь сосуд с вином да в котомке связку сушеного мяса. Однако десять стражников не смогли сдвинуть с места эти припасы; Цзо Цы же один поднял их. Он нарезал мясо, бросил его на землю и попросил в помощь сто человек, чтобы раздать солдатам по чарке вина и по куску мяса, которое на вкус ничем не отличалось от обычного. Более десяти тысяч солдат получили угощение, а вина и мяса не убавлялось. Приглашенные к столу гости — свыше тысячи человек — сильно опьянели. Лю Бяо был поражен и отказался от мысли казнить волшебника.

Через несколько дней Цзо Цы отправился в область У, в Даньту, где решил навестить некоего Сюй До, изучавшего искусство даосов. У ворот дома Сюй До возле повозок, запряженных буйволами, стояли какие-то люди.

— Хозяина нет, — сказали они, желая обмануть Цзо Цы.

Он знал, что люди лгут, но повернулся и ушел. И вдруг лжецы увидели, что их буйволы стали вскарабкиваться на деревья. Они устремились вверх за животными, но те исчезли. Едва лжецы опустились на землю, буйволы снова полезли на деревья. А из ступиц повозок выросли шипы длиной в локоть, и колеса не двигались с места. Перегуганные люди прибежали к Сюй До и принялись каяться:

— Приходил какой-то старик, кривой на один глаз. Мы думали, он человек незнатный, и обманули его, сказав, что вас нет дома. После его ухода все буйволы словно обезумели.

— Наверно, это был Цзо Цы! — воскликнул Сюй До. — Как вы посмели обмануть его! Поспешите, вы еще сможете его догнать!

Люди бросились искать Цзо Цы. Догнав его, стали с поклонами просить прощения, и Цзо Цы простил их. Когда они вернулись, буйволы уже успокоились.

Замыслил убить Цзо Цы и правитель области У по имени Сунь. Как-то, прогуливаясь вместе с Цзо Цы, он попросил гостя подойти к коню, чтобы нанести Цзо Цы смертельный удар в спину. Цзо Цы в деревянных баш-

маках с бамбуковым посохом побежал вперед. Сунь хлестнул копя и погнался было за Цзо Цы, но догнать его не мог. Догадавшись, что Цзо Цы наделен волшебной силой, Сунь бросил преследование.

Позднее Цзо Цы сказал монаху по имени Гэ, что уходит на гору Хошань добывать снадобье бессмертия. Так Цзо Цы покинул мир.

ХОЗЯИН КУВШИНА

Никто не знал настоящего имени Хозяина кувшина. Более двадцати его книг о военном деле, об искусстве вызывать привидения, о врачевании и о многом другом известны поныне и называются свитками Хозяина кувшина.

Рассказывают, что в Жунани смотрителем рынка был Фэй Чан-фан. И вот однажды Хозяин кувшина, никому не известный, — он приехал из дальних мест — стал торговать на рынке лекарствами. Цену за свои лекарства он никогда не сбавлял, зато они излечивали все болезни. Он так говорил своим покупателям:

— Примешь это лекарство, потом изрыгнешь — и в такой-то день будешь здоров.

И все происходило так, как предсказывал торговец. Каждый день он продавал лекарств на много десятков тысяч монет, но себе оставлял всего тридцать-пятьдесят медяков, а все деньги раздавал бедным и сиротам.

В доме торговца лекарствами висел пустой кувшин, и всякий раз после захода солнца тот прыгал в этот кувшин и исчезал. Фэй Чан-фан, тайком наблюдавший за этими проделками, догадывался, что торговец — человек необыкновенный. И он стал каждый день сам подметать перед лавкой торговца и угощать его, был всегда с ним очень предупредителен и никогда ничего не требовал. Торговец наконец заметил эту услужливость.

— Приходи ко мне сегодня, когда стемнеет и все разойдутся, — сказал он однажды смотрителю рынка.

Вечером Фэй Чан-фан пришел к нему. Торговец сказал:

— Сейчас я прыгну в кувшин, ты прыгай за мной — тебе тоже хватит места.

Фэй Чан-фан поступил так, как говорил торговец, и

оказался в кувшине. Но это был уже не кувшин, перед ним предстала страна небожителей. Фэй Чан-фан увидел высокие башни, арки, дворцы; множество слуг ожидали Хозяина кувшина.

— Я — небожитель, — сказал Хозяин кувшина своему гостю. — В наказание за мое нерадение я был послан к людям на землю. Ты показался мне достойным, поэтому мой выбор пал на тебя.

Фэй Чан-фан поклонился.

— Я — лишь простой смертный, обремененный грехами, — молвил он. — Вы пожалели меня — словно вдохнули жизнь в бездыханное тело, велели поправить смерть и тлен и восстать к жизни. За вашу доброту я буду вечно вам благодарен.

— Я о тебе самого высокого мнения, — отвечал небожитель. — Только никому об этом не говори.

Через некоторое время Хозяин кувшина поднялся к своему гостю, поселившемуся в верхних комнатах.

— У меня нашлось немного вина, — сказал он, — пошли за ним людей, мы его выпьем.

Фэй Чан-фан отправил за вином человека, однако тот не смог поднять кувшин. Несколько десятков слуг пытались помочь ему, но безуспешно. Тогда Хозяин кувшина сам спустился вниз; одним пальцем поднял сосуд и принес его наверх. Они пили до сумерек, и, хотя сосуд был величиной с кулак, вина в нем не убавлялось.

— На днях я отправляюсь в путь, — сказал Хозяин кувшина, — последуешь ли ты за мной?

— Не хватает слов, чтобы высказать, как я рад следовать за вами, — молвил Фэй Чан-фан. — Но нельзя ли сделать так, чтобы об этом не узнали мои родственники? Мне бы этого не хотелось.

— Нет ничего легче, — отвечал небожитель и дал ему зеленую ветвь бамбука. — Возвращайся домой, положи эту ветку в постель и скажись больным, а сам потихоньку уйди.

Фэй Чан-фан сделал так, как ему было велено. Родные, найдя в постели мертвое тело, оплакали его и похоронили...

А тем временем Фэй Чан-фан следовал за Хозяином кувшина. Сначала он очутился среди тигров, которые скалили зубы и разевали пасти, словно хотели сожрать

его, но он не боялся. На следующий день Фэй Чан-фана заточили в каменную пещеру, где над самой головой висел на соломенных веревках огромный камень. Змеи перегрызали эту веревку, и она вот-вот должна была оборваться. Однако Фэй Чан-фан и тут оставался спокоен.

Появился Хозяин кувшина и приободрил его.

— Ты достоин познать истину,— проговорил он и приказал Фэй Чан-фану есть вонючий навоз, в котором кишели огромные черви. Тот колебался.

Тогда Хозяин кувшина вздохнул и отпустил Фэй Чан-фана домой со словами:

— Ты не смог стать небожителем, но на земле ты будешь жить много сотен лет.— Затем дал ему запечатанный свиток и молвил:— Храни этот свиток, и тебе будут подвластны духи и привидения, ты сможешь излечивать болезни и избавлять людей от несчастий.

Фэй Чан-фан сказал, что не знает, как добраться домой. Тогда Хозяин кувшина дал ему бамбуковый посох:

— Садись на него, он довезет тебя до дома.

Фэй Чан-фан сел на бамбуковый посох и вдруг — словно пробудившись от сна — очутился дома. Родные приняли его за выходца с того света, но он рассказал им все, что с ним произошло, и когда те открыли гроб, обнаружили лишь ветку бамбука. Бамбуковый посох, на котором Фэй Чан-фан вернулся домой, бросили в пруд, и посох превратился в зеленого дракона. Фэй Чан-фану казалось, что он не был дома только один день, но родные сообщили, что прошел целый год.

Фэй Чан-фан умел вызывать духов, лечить болезни, и не было случая, чтобы он кого-нибудь не исцелил. Часто, разговаривая с людьми, он хмурился и начинал ругаться. Когда его спрашивали о причине гнева, он отвечал:

— Я ругаю привидение.

А дело было в том, что в Жунани обитало привидение. Несколько раз в году появлялся дух в сопровождении многочисленных всадников, словно правитель, под гром барабанов он входил в городскую управу, совершал полный обход и затем исчезал.

Однажды, когда показалось привидение, Фэй Чан-фан отправился к городской управе. Наместник поспешно бежал, и Фэй Чан-фан остался у ворот один. Привиде-

дение, увидев Фэй Чан-фана, не отважилось продолжать путь.

— Подойди-ка сюда! — крикнул Фэй Чан-фан страшным голосом.

Дух сошел с колесницы, распростерся перед ним и, стучаясь лбом о землю, обещал искупить свои прегрешения.

— Умри, немощная тень! — вскричал Фэй Чан-фан. — Как ты осмелился, позабыв обо всем, устраивать безобразия в городской управе? За это ты заслуживаешь смерти. А теперь явись в своем настоящем виде!

И привидение превратилось в огромную, как колесо повозки, черепаху с большой головой. Фэй Чан-фан приказал ей принять облик человека, затем дал запечатанный свиток и велел доставить его правителю Гэпи. Дух поклонился и, обливаясь слезами, отправился в путь. Фэй Чан-фан послал вслед за ним людей, которые нашли свиток, лежащий около холма, а мертвое привидение было привязано к дереву.

Прошло некоторое время, и Фэй Чан-фан отправился в Дунхай. В тех местах три года стояла сильная жара, люди молили небо о дожде, и Фэй Чан-фан сказал им:

— Владыка этих мест хотел соблазнить повелительницу Гэпи, и я велел схватить его. Вот почему стояла такая долгая засуха. Но теперь я освобожу его и прикажу ему послать дождь.

И вскоре хлынул ливень.

А еще Фэй Чан-фан при помощи магии умел сделать так, что человек видел происходящее на расстоянии тысячи ли.

ЧУДЕСА, КОТОРЫЕ ТВОРИЛ ДУН ФЭН

Дун Фэн, известный также под именем Цзюнь И, жил в Хоугуани во времена Да-ди¹. Однажды местный правитель встретил Дун Фэна и решил, что ему лет сорок — он не знал, что Дун Фэн бессмертен.

Через пятьдесят с лишним лет, оставив службу, правитель проезжал по тем же местам. Он заметил, как постарели все его бывшие подчиненные, лишь один Дун Фэн выглядел, как в прежние дни.

¹ Да-ди — первый правитель царства У (220—251).

— Тебе, наверно, известен секрет бессмертия,— сказал он Дун Фэну.— Ты кажешься еще более молодым, чем прежде, а я стал седым стариком. Чем это объяснить?

— Случайностью,— отвечал Дун Фэн.

В те дни правитель Цзяочжоу по имени Ду Се умер от яда. Дун Фэн тут же оказался в Цзяочжоу. Он вложил в рот умершего три лекарственных шарика, влил воды и велел потрясти его голову, чтобы лекарство прошло внутрь. Ду Се сразу зашевелился, лицо его порозовело, а к вечеру он мог уже сидеть. Через четыре дня правитель заговорил. Он пытался вспомнить, как умер... Какне-то люди в черных одеждах подхватили его и посадили в колесницу. Его провезли через большие красные ворота и бросили в тюрьму, где были отдельные темницы, и в каждой содержался только один узник. Темницу Ду Се засыпали землей; ни один луч света не проникал в нее. Вдруг правитель услышал голос, возвестивший о том, что повелитель всех богов Тай И послал гонцов за Ду Се. Вскоре темница открылась, и он был вызволен. Он увидел колесницу с красным балдахином, в которой сидели три человека. Один из них, державший табличку — знак посланного его повелителя, пригласил Ду Се сесть в колесницу. Ду Се уверял, что очнулся еще до того, как добрался до дома.

Воскресший поднялся и сказал Дун Фэну:

— Я даже не знаю, чем отблагодарить тебя за твое милосердие.

Он построил для своего избавителя башню посреди двора. Заметив, что Дун Фэн ест только сушеные финики и запивает их вином, правитель велел трижды в день приносить в башню финики и вино. Дун Фэн всякий раз прилетал, словно птица, и, насытившись, вновь улетал. Так прошло более года, и Дун Фэн решил покинуть правителя. Обливаясь слезами, Ду Се умолял его остаться, но напрасно.

— Куда вы держите путь? — спрашивал Ду Се.— Быть может, вам нужен корабль?

— Корабль мне не нужен, мне надобен гроб,— отвечал Дун Фэн.

Ду Се велел изготовить гроб. На другой день, когда солнце стояло в зените, Дун Фэн скончался. Правитель положил его в гроб и похоронил. Через семь дней при-

был человек из Юнгана, который от имени Дун Фэна в самых почтительных выражениях благодарил Ду Се. Правитель выслушал посланца, открыл гроб и нашел там лишь кусок шелка. На одной стороне была нарисована фигура человека, на другой — красный амулет.

Между тем Дун Фэн поселился у подножия горы Лушань, в округе Люйчжан. Однажды к нему принесли прокаженного, находившегося при смерти, и умоляли оказать ему помощь. Дун Фэн велел посадить прокаженного в отдельную комнату и крепко закутать пятью покрывалами. Больной потом рассказывал, что он чувствовал, как какое-то существо облизывало его всего с головы до ног, и это вызывало нестерпимую боль; язык у существа был длинный, а сопело оно, словно буйвол. Вскоре чудище исчезло, и явился Дун Фэн. Обмыв прокаженного в пруду, он сказал:

— Теперь ты будешь здоров, но оберегай себя от простуды в течение десяти с лишним дней.

Все эти дни тело больного было багрового цвета и мучительно болело, но после омовения боль прекращалась. Через двадцать дней у него образовалась новая кожа — белая и гладкая.

А однажды случилась сильная засуха. Правитель уезда по имени Дин Ши-янь сказал своим людям:

— Я слышал, Дун Фэн обладает чудодейственной силой. Он, наверно, может послать дождь.

Захватив вино и угощения, он отправился к Дун Фэну и рассказал ему о засухе.

— Вызвать дождь легко, — проговорил Дун Фэн. И, оглядев свое жилище, добавил: — Вот только лачуга у меня ветхая, сквозь крышу небо видно. Что я буду делать, если пойдет дождь?

Правитель понял намек.

— Я построю для тебя хороший дом, — обещал он, — нишпошли только дождь.

На следующий день Дин Ши-янь привел с собою более ста человек, которые несли бамбук и бревна для нового дома. За водой, чтобы размесить глину, надо было идти за несколько ли.

— Не ходите, — предупредил Дун Фэн людей, — вечером будет дождь.

И действительно, к великой радости всех окрестных жителей, вечером начался ливень.

Дун Фэн жил в горах и земледелием не занимался. Каждый день он лечил больных, а денег с них не брал. Излечив тяжело больного, он лишь просил того посадить пять абрикосовых деревьев; избавившиеся от легкой болезни сажали по одному дереву.

Через несколько лет появился лес, в котором росло более ста тысяч абрикосовых деревьев, здесь поселились птицы и животные. Лишь трава не разрасталась, словно ее постоянно выпалывали. Вскоре Дун Фэн собрал урожай абрикосов, построил амбар и объявил людям:

— Каждый может брать меру абрикосов без платы, но в обмен должен принести в амбар меру зерна.

Находились люди, которые норовили унести абрикосов больше, чем приносили зерна. Тогда из леса выскакивало множество тигров и с рычанием набрасывалось на обманщиков. Те в страхе убегали, роняя лишние абрикосы. Очутившись дома, они взвешивали оставшиеся плоды, и всегда оказывалось, что абрикосов ровно столько, сколько они отнесли зерна. Тех же, кто воровал абрикосы, тигры загрызали. Но если родные посылали украденные плоды обратно и умоляли Дун Фэна простить вора, тот его воскрешал.

Дун Фэн в каждый урожай обменивал абрикосы на зерно и раздавал его бедным, нищим и странникам. Ежегодно бедняки получали от него более двадцати тысяч мер зерна.

У одного правителя уезда была дочь, которую околдовал злой дух. Ее пробовали лечить, но ничего не помогало. Тогда правитель пришел к Дун Фэну и сказал:

— Спасите мою дочь, и я отдам ее вам в услужение.

Дун Фэн согласился и вызвал духа — белого крокодила длиной локтей в тридцать. Когда крокодил пополз к дверям больной, слуги по приказанию Дун Фэна убили его. Девушка тут же выздоровела. Дун Фэн взял ее себе в жены, но детей у них не было. Дун Фэн часто отлучался из дому, и его жена, чтобы не оставаться в одиночестве, привела в дом девочку лет десяти.

Однажды Дун Фэн вознесся на небо. Его жена и приемная дочь остались жить в его доме. Они перебивались тем, что продавали абрикосы. Тех, кто обижал их, преследовали по пятам тигры.

Дун Фэн прожил среди людей более трехсот лет, а на вид ему всегда было лет тридцать.

ПРОДОЛЖЕНИЕ РАССКАЗОВ О ЯВЛЕНИИ ДУХОВ

ДВА ОХОТНИКА

Однажды Юань Сян и Гэнь Шо, жители Яньсяня округа Гуйцзи, отправились на охоту. Много ущелий и хребтов охотники преодолели, прежде чем заметили горных козлов, они стали их преследовать. Козлы промчались по каменному мосту, затем понеслись через скалы и пропасти, и охотники уже расстались с мыслью догнать их. Вдруг они увидели отвесную скалу. Она была красного цвета. Сверху низвергалась вода, белая как холст, поэтому местные жители называли этот поток «льющийся холст». Взобравшись на скалу, охотники обнаружили вход в пещеру, похожий на ворота, и вошли в нее. Они очутились на равнине, поросшей деревьями и душистыми травами, среди которых стояла небольшая хижина. В этой хижине они обнаружили двух девушек лет пятнадцати, одетых в синие платья. Обе были необыкновенной красоты. Одну звали Ин Чжу, что значит «блистающий жемчуг», другую...¹ Завидев охотников, девушки несказанно обрадовались.

¹ В оригинале утрачены два знака, обозначающие имя девушки.

— Мы давно вас ждем, — сказали они.

И охотники взяли этих девушек себе в жены.

Однажды молодые женщины собрались в путь.

— Наша подруга выходит замуж, мы хотим ее поздравить, — сказали они и ушли.

Их шаги гулко прозвучали над пропастью.

Через некоторое время охотники затосковали по родным местам и тоже решили отлучиться. В пути их настигли жены и дали им мешок, крепко-накрепко наказав не заглядывать в него. И охотники с мешком в руках продолжили свой путь.

Как-то раз, когда охотники ушли из дому, родные развязали мешок и обнаружили там цветы лотоса. Когда ими был снят пятый слой лепестков, из цветов вылетела синяя птица. Охотники, вернувшись и узнав о случившемся, загрузили.

На другой день они отправились работать в поле. А когда родные принесли им обед, то увидели вместо них лишь оболочки, какие остаются после линьки цаикад.

ДЕВА БЕЛЫХ ВОД

В годы правления императора Ань-ди¹ из династии Цзинь в Хоугуани жил молодой человек по имени Се Дуань. Он рано лишился родителей, и его воспитывали соседи, так как родственников у него не было. В восемнадцать лет он стал уже жить самостоятельно. Это был тихий, скромный парень, и соседи, сокрушаясь, что он живет один, пытались подыскать ему невесту.

Се Дуань ложился спать поздно, вставал рано и весь день с утра до вечера трудился в поле. Однажды недалеко от деревни он нашел огромную улитку величиной с чайник и принес эту диковинку домой. Он посадил улитку в большой кувшин и держал дней десять. С этих пор Се Дуань, возвращаясь с поля, всегда обнаруживал дома приготовленную еду и питье, а в очаге — огонь. Он решил, что это заботятся о нем соседи, и через несколько дней отправился к ним, чтобы поблагодарить.

— Мы ничего не делали, — удивились соседи, — и не за что нас благодарить.

¹ Император Ань-ди правил с 397 по 418 г.

Се Дуань подумал, что они шутят. Но, как и прежде, о нем кто-то продолжал заботиться, и Се Дуань снова пошел к соседям.

— Да ты, наверное, тайком женился, и жена готовит тебе еду, — смеялись они.

Се Дуань был очень удивлен.

Однажды, только пропели петухи, он, как обычно, ушел в поле, но вскоре, никем не замеченный, вернулся. Спрятавшись за плетнем, он стал наблюдать за своим домом. И тут он увидел, как из кувшина появилась молодая девушка и стала разводить огонь в очаге. Се Дуань вошел в комнату и заглянул в кувшин — улитки не было. Тогда он обратился к девушке:

— Откуда ты явилась и почему готовишь мне еду?

Девушка очень испугалась и тщетно пыталась скрыться в кувшине.

— Я — Дева Белых вод Млечного Пути, — наконец промолвила она. — Владыка неба пожалел тебя, сироту, за твою скромность и послал меня, чтобы я заботилась о тебе. Не прошло бы и десяти лет, как ты разбогател бы и женился, и тогда бы я удалилась. Но ты застиг меня врасплох, и я не могу больше оставаться у тебя. Продолжай по-прежнему работать в поле, лови рыбу, руби деревья. Я оставлю тебе свою раковину, держи в ней рис — и она никогда не будет пустой.

Се Дуань умолял девушку остаться, но она была непреклонна. Внезапно налетела буря, и девушка исчезла.

Се Дуань воздвиг кумирню в честь Девы Белых вод и в определенный день приносил жертвы. Богатым он не стал, но всего у него было вдоволь. Соседи наконец нашли ему невесту, и он женился. Потом Се Дуань стал правителем тех мест.

И по сей день недалеко от дороги стоит храм Девы Белых вод.

ВЕРНЫЙ ПЕС

В годы Тай-хэ¹ в Гуанлине жил человек по фамилии Ян. У него была собака, которую он очень любил и всюду брал с собой. Однажды зимой, напившись пьяным, он

¹ Тай-хэ — девиз царствования цзиньского императора Хай Сигуна (366—370).

уснул в густой траве около болота. В это время поднялся ветер, и жители, как обычно, стали выжигать траву. Собака бегала вокруг хозяина и лаяла, но тот был сильно пьян и не просыпался. Тогда пес вывалился в луже и улегся около хозяина. Много раз окунался пес в воду и возвращался к хозяину, пока вся трава вокруг него не стала мокрой. Проснувшись, Ян понял, что произошло.

В другой раз, бредя в темноте, Ян свалился в пересохший колодец. Собака выла около колодца до самого утра, пока наконец какой-то прохожий заметил ее и догадался заглянуть в колодец.

— Помоги мне выбраться отсюда,— крикнул ему Ян,— и я ничего для тебя не пожалею.

— Отдай мне пса,— был ответ.

— Этот пес спас мне жизнь, его я не могу отдать,— сказал Ян.— Проси что-нибудь другое.

— Тогда оставайся там, где сидишь,— услышал он.

В этот момент пес заглянул в колодец, как бы умоляя его, и Ян согласился отдать своего верного друга.

— Ладно, собака твоя,— сказал он прохожему.

Тот помог Яну выбраться из колодца и увел собаку на веревке.

Через пять дней пес вернулся к Яну.

ИСТОРИИ ТЬМЫ И СВЕТА

КАК ЖЕНИЛСЯ ХУАН ЮАНЬ

Во времена династии Хань житель Тайшани Хуан Юань открыл однажды утром ворота и вдруг заметил черную собаку — она сидела возле дома с таким видом, словно выросла именно здесь. Хуан Юань взял ее на поводок и отправился вместе с соседями на охоту. Когда наступили сумерки, он увидел оленя и спустил собаку. Она помчалась так быстро, что Хуан, несмотря на все старания, едва поспевал за нею. Пробежав несколько ли, Хуан увидел пещеру, вошел в нее, сделал по ней шагов сто и вдруг оказался на дороге; по одну ее сторону росли ивы и ясени, по другую высилась стена. Потом, следуя за собакой, Хуан миновал ворота и увидел несколько десятков домиков, в которых красивые девушки в ярких одеждах играли на цинях и сэ¹ или развлекались игрой в шашки.

Хуан подошел к павильону, стоявшему севернее других, в нем было три комнаты. Две девушки, находившиеся там, словно кого-то ждали. Увидев Хуана, они переглянулись и засмеялись:

¹ Цинь, сэ — музыкальные инструменты.

— Черный пес привел муженька для Мяо-инь!

Одна из девушек ушла.

Вскоре вышли четыре девушки и передали Хуану слова Тай-чжэнь, хозяйки дома: «Моя дочь уже носит прическу совершеннолетней, самой судьбой суждено, чтобы она стала твоей женою».

Стемнело, и Хуана ввели в дом. Окна комнаты выходили на юг, и из них было видно озеро, посередине которого находился павильон. Четыре входа павильона, расположенные по углам, были завешаны циновками, сквозь которые пробивался яркий свет.

Красивые служанки и прекрасная Мяо-инь встретили его. Закончилась свадебная церемония, начался пир, а затем молодожены отправились в спальню.

Через несколько дней Хуан решил съездить домой и оповестить родных о своей женитьбе.

— Смертные люди не похожи на бессмертных,— сказала Мяо-инь.— Мы не сможем долго жить вместе.

На другой день Мяо-инь, обливаясь слезами, дала мужу на прощание нефритовые подвески и сказала:

— Не суждено нам жить вместе, хоть и сильна моя любовь к тебе. В первый день каждого третьего месяца вспомнай меня, постись и совершай омовение.

Четыре девушки проводили Хуана. До дома он добрался в тот же день.

Хуан сильно тосковал по своей жене. В предназначенные дни он видел в небе ее колесницу, летящую по воздуху.

ПТИЦА, КОТОРАЯ УМЕЛА ГОВОРИТЬ

Во времена династии Цзинь в Цзинчжоу правителем был знаменитый военачальник Хуань Хо. Однажды в пятый день пятого месяца кто-то из его подчиненных надрезал одному попугаю язык и научил птицу говорить. Этот попугай вмешивался в разговоры людей и мог говорить обо всем на свете. Учитель попугая искусно играл на струнном инструменте пiba, и птица часто садилась возле музыканта и слушала его игру. Попугай очень хорошо подражал смеху и голосам людей.

Как-то у правителя собрались гости. Он захотел, чтобы птица передразнила голос каждого, и попугай сделал это удивительно точно. Правда, у одного из

гостей был до того гнусавый голос, что передразнить его было трудно, но попугай сунул голову в кувшин и так же хорошо передразнил гнусавого.

Однажды попугай увидел, как один слуга что-то украл, воспользовавшись тем, что хозяин вышел. Птица рассказала об этом хозяину, но тот слугу не наказал. Потом слуга украл мясо, и птица снова сообщила хозяину о воровстве.

— Ты говоришь, что слуга украл мясо, — сказал хозяин. — А где доказательства?

— За занавеской, среди листьев лотоса, — отвечала птица.

Украденное нашлось именно в этом месте, и вороватый слуга был жестоко наказан. Обозленный, он обварил попугая кипятком, и тот издох. Хозяин попугая горевал и хотел убить слугу в наказание за смерть любимой птицы.

— Твоя скорбь очень велика, — сказал правитель, — и человек этот заслуживает смерти. Но он убил всего лишь птицу, и казнить его нельзя.

И слуга был приговорен к пяти годам рабства.

ТОРГОВКА ПУДРОЙ

У одной очень богатой четы был единственный сын, и был он в семье всеобщим любимцем. Проходя как-то по рынку, он увидел девушку неопишуемой красоты, которая продавала пудру, и влюбился в нее. Не зная, как открыть девушке свои чувства, он стал ее постоянным покупателем. Каждый день он являлся на рынок, покупал пудру и удалялся, не говоря ни слова. Время шло, и девушка стала кое о чем догадываться. Однажды, когда юноша пришел снова, она спросила:

— А что вы делаете с этой пудрой?

— Я полюбил тебя, но сказать об этом боялся, — отвечал юноша. — И чтобы только видеть тебя, я прихожу покупать пудру.

Девушка пожалела его и согласилась встретиться с ним в ближайший вечер.

С нетерпением юноша ждал возлюбленную в своей комнате. В сумерках девушка пришла. Вне себя от радости, юноша обнял ее и воскликнул: «Наконец-то сбылись мои мечты!»

И от чрезмерной радости юноша умер.

Перепуганная девушка не знала, что делать, и поспешно вернулась в свою лавку.

Родители юноши были удивлены, когда тот не пришел к завтраку, заглянули к нему в комнату и нашли сына мертвым.

Они открыли его пакатунки и ящички и обнаружили в них более ста больших и маленьких пакетов с пудрой.

— Пудра сгубила нашего сына,— сказала мать.

Перед похоронами она отправилась на рынок, обошла всех торговцев пудрой и наконец у одной девушки увидела пудру точно в такой же обертке, какую обнаружила у сына.

— Зачем ты убила моего сына? — спросила мать, схватив девушку.

Девушка зарыдала и рассказала, как все произошло. Родители юноши не поверили ей и отвели ее в суд.

— Я, несчастная, не боюсь смерти,— сказала девушка,— разрешите мне лишь взглянуть на него, оплакать его.

Судья разрешил.

Обнимая мертвого, девушка горько плакала.

— Кто знал, что все так кончится...— причитала она.— Но если наши души после смерти будут вместе, я умру без сожаления!

Юноша вдруг ожил и поведал о том, что произошло.

Они стали мужем и женой, и у них было множество детей и внуков.

КАК ЧЖЭНЬ ЧЖУН ОСЛУШАЛСЯ БОГА ЗЕМЛИ

Чжэнь Чжун — другое его имя Шу-жан,— уроженец области Чжуншань, был назначен правителем в Юньду. Во время пути к месту службы был ему голос:

— К вам явился сын бога земли.

Чжэнь Чжун и гость, прекрасный юноша, обменялись положенными приветствиями.

— Я здесь по велению моего досточтимого отца,— сказал сын бога земли.— Он хочет породниться с вами и предлагает вам в жены мою младшую сестру. Я послан, чтобы объявить вам об этом.

— Я уже немолод,— отвечал, смутившись, прав-

тель.— И у меня есть жена, я не могу принять такое предложение!

— Моя сестра молода и очень красива,— сказал гость,— ей нужен достойный муж. Как вы можете от нее отказаться?

— Я ведь сказал, я стар, и у меня есть жена,— отвечал Чжэнь Чжун.— Это было бы нарушением закона.

Они долго спорили, но Чжэнь Чжун твердо стоял на своем.

— Тогда явится мой отец,— разгневавшись, пригрозил юноша.— Ему-то ты не откажешь.

И он удалился по реке, но обоим берегам его сопровождало много людей с повязками на головах и кнутами в руках.

Вскоре появился сам бог земли на колеснице с зеленым балдахинном. На лошадях была алая упряжь. Впереди и сзади ехали стражники. Затем следовало еще несколько колесниц. Его дочь ехала в открытой со всех сторон колеснице с подобранными шелковыми занавесами, впереди нее сидели восемь девушек, все в невиданных, затейливо расшитых одеждах. На берегу, неподалеку от Чжэнь Чжуна, пришельцы раскинули шатер и расстелили циновки.

Бог земли сошел с колесницы и сел на белый шерстяной ковер у низенького столика. Здесь была нефритовая плевательница, черепаховая шкатулка и белая метелка. Дочь его остановилась на восточном берегу, по обеим сторонам ее встали евнухи с опахалами, а девушки расположились спереди. По приказу бога земли человек шестьдесят из его свиты сели перед ним, готовые в любой момент заиграть на музыкальных инструментах, которые, казалось, были сделаны из стекла.

— У меня есть дочь, которую я очень люблю,— молвил бог земли, обращаясь к Чжэнь Чжуну.— Ты, я знаю, приходишь из благородной и честной семьи, и я очень хочу породниться с тобой, отдав в жены свою дочь. С этой просьбой я и посытал к тебе своего сына.

— Я стар и плох здоровьем,— ответил Чжэнь Чжун.— У меня жена и взрослый сын, и если ты будешь искушать меня и дальше своим предложением, я вынужден буду послушаться.

— Моей дочери двадцать лет,— продолжал бог земли,— она красива и добра, воспитана в послушании. Се-

годня же здесь, на берегу, безо всяких особых хлопот справим свадьбу.

Чжэнь Чжун продолжал стоять на своем и даже назвал бога земли злым духом. Он вынул меч, положил его на колени, готовый защитить свою жизнь, и отказался продолжать этот разговор.

Страшно разгневался бог и приказал спустить трех леопардов и двух тигров. Разинув красные пасти, сотрясая своим рыком землю, звери бросились на Чжэнь Чжуну, но он всякий раз отгонял их. Так продолжалось до рассвета, пока зверей не отозвали.

Тогда бог земли дал Чжэнь Чжуну колесницу и несколько десятков людей, чтобы они служили ему, и Чжэнь Чжун продолжил свой путь. Колесница и люди, оставленные богом земли, следовали за ним. Неожиданно какой-то встречный в простой одежде и шапке поклонился ему и крикнул:

— Не ездь дальше!

Лишь через десять дней осмелился Чжэнь Чжун тронуться в путь, до самого дома за ним следовал соглядатель в шапке и с хлыстом в руке.

Дома он узнал, что за несколько дней до его возвращения жена заболела и умерла.

КАК ЗАРУБИЛИ ПРИВИДЕНИЕ

В молодые годы ни Лю Дао-си, ни его двоюродная сестра Кан-цзу не верили в существование привидений. Их двоюродный брат Синь-по был постарше и обладал способностью распознавать привидения, но никак не мог он убедить брата и сестру в том, что привидения существуют.

Однажды, когда они все вместе находились около моста Чангуан в Цзинкоу, Синь-по сказал брату и сестре, что около бамбукового плетня водится ужасное привидение. Лю Дао-си ухмыльнулся и спросил, в каком именно месте. Он потянул за собой Синь-по и обнажил свой длинный меч, собираясь поразить привидение. Синь-по, находившийся сзади него, крикнул:

— Попадет тебе от привидения!

Не успел Лю Дао-си дойти до плетня, как сильный удар дубинкой обрушился на него, и он упал навзничь. Только через месяц он пришел в себя.

Потом Синь-по как-то сказал им:

— К востоку от управы, на тутовом дереве, поселилось привидение, сейчас оно еще маленькое, но когда вырастет — непременно натворит бед.

Кан-цзу не поверила, но попросила сказать точно, на какой высоте от земли живет привидение. Дней через десять, в темную, безлунную ночь, Лю Дао-си прокрался к дереву, рубанул секирой по тому месту, где должно находиться, по словам Синь-по, привидение, и, никем не замеченный, вернулся домой.

На другое утро Синь-по, проходя мимо дерева, вздрогнул от страха и закричал:

— Что случилось с духом? Он, кажется, мертв.

Кан-цзу рассмеялась.

ЛЮБОВЬ С ПЕРВОГО ВЗГЛЯДА

В уделе Цзюйлу жил Пан Э, мужчина замечательной красоты. Девушка из семьи Ши влюбилась в него с первого взгляда. Когда Пан Э увидел эту девушку и пригласил к себе в дом, его женой овладела лютая ревность. Однажды, услышав, что девушка опять пришла, жена Пан Э велела служанкам связать гостью и отвести ее домой. Посреди пути девушка превратилась в клубы дыма и исчезла. Служанки явились в дом девушки и рассказали о случившемся.

— Моя дочь не выходила из дому! — вскричал изумленный отец. — Как вы смеете ее порочить!

Отец Пан Э между тем все время неустанно следил за своим сыном и в одну из ночей обнаружил в комнате сына девицу. Он схватил ее и отвел домой. Увидев дочь, отец вытаращил глаза и уставился на нее.

— Я только что был в комнатах жены и своими глазами видел, как жена и дочь вместе сидели за работой, — молвил он. — Как же моя дочь может быть одновременно в двух местах?

Он велел служанкам вызвать дочь из внутренних покоев. И когда девушка появилась, другая вдруг исчезла. Растерявшийся отец сказал жене, чтобы та разобралась, в чем дело.

— После того как я увидела Пан Э у нас в доме, — призналась девушка, — он мне приснился и пригласил к себе, а когда я пришла, его жена схватила меня.

— Неслыханное дело! — воскликнул отец. — Значит, душа, одолеваемая сильным чувством, может принимать любое обличье!

Девушка решила не выходить замуж. А через год жена Пан Э заболела странной болезнью, ее лечили, но все было напрасно, она умерла.

Через некоторое время Пан Э послал семье Ши свадебные подарки, и девушка из этого дома стала его женой.

ИЗГОЛОВЬЕ ИЗ КЕДРА

У монаха храма Цзяоу было изголовье, сделанное из кедра. Прошло тридцать с лишним лет, и в изголовье на обратной стороне появилась трещина. Житель тех мест Тан Линь проезжал как-то мимо храма и зашел помолиться о ниспослании ему счастья.

— Женат ли ты? — спросил у него монах. — Если нет, полезай в эту трещину.

И Тан Линь полез в трещину изголовья. Он увидел вдруг красные ворота, дворцы из яшмы, башни из перламутра — ничего подобного на земле не видывали. Полководец Чжао подыскал ему жену, которая родила Тан Линю шестерых детей — четырех мальчиков и двух девочек.

На Тан Линя пал выбор, и его назначили хранителем императорской библиотеки, потом он стал одним из секретарей императора. Так он жил в кедровом изголовье, ни разу не вспомнив о доме, но прошло некоторое время, и он впал в немилость. Тогда монах позвал его обратно, и Тан Линь вылез наружу.

Тан Линю казалось, что он прожил в изголовье многие годы, а на самом деле он пробыл там один лишь миг!

ТОЩАЯ ДУША

Душа недавно умершего человека, изможденная и тощая, неожиданно встретила душу старого друга, который скончался двадцать лет назад; эта душа была толста и полна сил.

— Как твои дела? — спросила душа друга, после того как они обменялись положенными приветствиями.

— Я от голода едва держусь на ногах,— молвила тощая душа.— Ты, должно быть, знаешь тут все входы и выходы, научи меня, как мне быть.

— Нет ничего легче,— отвечала толстая душа.— Попугай людей какими-нибудь чудесами, они и принесут тебе еду.

Тощая душа отправилась к восточному краю деревни, где жила одна семья, исповедовавшая буддизм. В западной пристройке находилась домашняя мельница, и душа стала вращать жернова так же, как когда-то в бытность свою человеком.

— Будда пожалел нас за нашу бедность и велел духу крутить наши жернова,— сказал глава семейства своим сыновьям.

И он засыпал в мельницу пшеницы. К вечеру душа намолотила много мер пшеницы и, падая от усталости, удалилась.

— Зачем ты обманул меня? — укоряла она после душу друга.

— Попробуй еще разок, и тебе непременно дадут еды,— был ответ.

Тогда тощая душа потащила на противоположный конец деревни, где жила семья, исповедовавшая даосизм. У дверей дома стояла ступа, и душа стала стучать в ней пестом так же, как и в бытность свою человеком.

— Вчера этот дух помогал кому-то другому, а сегодня пришел помогать мне,— сказал хозяин дома.— Надо засыпать в ступу зерна.

И он велел служанкам просеять зерно. К вечеру душа совсем выбилась из сил, но еды ей не дали. Вернувшись в потемках, тощая душа с гневом сказала душе друга:

— Ведь мы с тобой почти родственники со стороны жен, а не просто друзья. Так почему же ты обманываешь меня? Два дня я работал на других и не получил за это даже плоски еды.

— Тебе просто не повезло! — отвечала душа друга.— Последователей буддизма или даосизма трудно чем-нибудь удивить. Сегодня ты найди обычную семью, где не верят ни буддистам, ни даосам, припугни ее — и непременно получишь еду.

И снова отправилась тощая душа в путь. На этот раз она выбрала дом, на воротах которого торчал бамбуковый шест. Войдя во двор, душа увидела через ок-

но нескольких женщин, они ели. Во дворе была белая собака, душа схватила ее, подняла над землей так, чтобы казалось, будто собака плывет по воздуху. Завидев такое, обитатели дома сильно удивились и сказали, что этакое чуда никогда еще не видывали. Спросили у гадателя — к чему бы это.

— Взалкавший еды гость посетил вас, — молвил гадатель. — Но все кончится добром, если вы умилюстите его. Убейте собаку и вместе с вином, сладостями и рисом поднесите ее среди двора в жертву гостю.

Так эти люди и сделали, и тощая душа получила обильную пищу.

С этих пор она, следуя совету друга, творила мелкие чудеса и уже ни в чем не нуждалась.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ИСТОРИЙ ЦИ СЕ

СТРАННАЯ ВСТРЕЧА

Во времена династии Восточная Цзинь¹ Сюй Янь из Янсяня, проходя через горы Суиань, встретил юношу лет восемнадцати, лежащего около дороги. Юноша жаловался на боль в ногах и просил Яня посадить его в клетку с гусями, которую тот нес. Разумеется, Янь принял его слова за шутку. Каково же было его удивление, когда юноша влез в клетку, хотя он не стал меньше, а клетка не стала больше, сел рядом с двумя гусями, и птицы не испугались его. Янь взвалил клетку на плечо и пошел дальше. Ноша его не стала тяжелее.

Когда Янь расположился под деревом отдохнуть, юноша вылез из клетки и сказал, что хочет угостить Яня; тот с удовольствием согласился. Тогда юноша изверг изо рта бронзовый поднос и ларчик, в котором находились самые редкие яства. Вся посуда была из бронзы, кушанья, о которых Янь не имел представления, вкусно пахли. Когда было выпито несколько кубков вина, юноша сказал:

— Со мною есть женщина, и я хотел бы, чтобы она присоединилась к нам.

¹ Династия Восточная Цзинь правила с 318 по 420 г.

— Прекрасно! — отвечал Янь.

Тогда юноша изверг изо рта очень красивую девушку лет шестнадцати, облаченную в прекрасные одежды. И они стали пировать втроем. Когда юноша охмелел и заснул, девушка сказала Яню:

— Хотя этот юноша — мой муж, но я люблю другого человека, который находится всегда при мне. Пока муж спит, я хотела бы угостить моего возлюбленного, если вы обещаете молчать.

— Разумеется! — отвечал Янь.

Тогда девушка извергла изо рта красивого молодого человека лет двадцати трех и представила его Яню. В это время снявший пошевельнулся, девушка извлекла изо рта парчовую ширму и, отгородив мужа, легла к нему. Молодой человек сказал Яню:

— Эта девушка любит меня, но она не заполнила мое сердце. Со мной всегда другая женщина, и мне хотелось бы повидать ее, если вы будете хранить молчание.

— Извольте, — отвечал Янь.

И молодой человек изверг из уст девушку лет двадцати с небольшим, они пили вино и шутили в течение долгого времени. Вдруг за ширмой послышался шум.

— Они проснулись, — сказал молодой человек и проглотил женщину. Вышла жена юноши.

— Сейчас муж поднимется, — сказала она Яню и проглотила своего возлюбленного.

Вскоре вышел юноша и сказал:

— Извините, что я так долго спал и вам пришлось скучать. Уже поздно. Я должен покинуть вас.

И он проглотил девушку и всю бронзовую посуду, за исключением большого подноса, который был в поперечнике более двух чи¹. Прощаясь с Янем, он сказал:

— Кроме этого подноса, я ничего не могу предложить вам на память о нашей встрече.

В период царствования, известный под названием Тайюань², Янь служил в императорском архиве. Однажды во время пира он показал этот поднос одному из придворных, который, разобрав знаки на подносе, сказал, что он был сделан в третий год правления Юн-пин династии Хань³.

¹ Чи — мера длины, равная 0,32 м.

² То есть в 376—396 гг.

³ То есть в 60 г.

Чжао Вэнь-шао из Гуйцзи был на службе у сына императора и жил неподалеку от главного моста в Тинси, в двухстах шагах от дома вельможи Ван Шу-цина, находившегося в соседнем переулке. Однажды осенним вечером, когда взошла полная луна, ему взгрустнулось о родных местах, и, прислонившись к воротам, он запел песню «Вороны улетают в ночь», полную печали и скорби.

Внезапно перед ним появилась девушка лет пятнадцати в синей одежде и сказала:

— Моя молодая хозяйка из дома Вана слушала твою песню при свете луны. Она благодарит тебя.

Так как было довольно рано и многие еще не отошли ко сну, Чжао Вэнь-шао был не очень удивлен появлением девушки. Он говорил с ней вежливо и пригласил ее хозяйку к себе.

Вскоре показалась девушка лет восемнадцати в сопровождении двух служанок; ее внешность и походка были обворожительны. Чжао спросил у нее, где она живет.

— Там,— девушка указала рукой в сторону дома Ван Шу-цина.— Я слышала, как ты пел, и поэтому приняла твое приглашение. Ты споешь мне что-нибудь?

Чжао запел песню «Трава, растущая на камне». У него был чистый, приятный голос; вскоре девушка стала подпевать ему.

— Если у тебя есть кувшин, то не печалься — вода для него найдется¹,— сказала девушка. И, обернувшись к служанкам, добавила:— Принесите мою цитру². Я буду играть для этого юноши.

Инструмент вскоре принесли, и девушка сыграла две или три мелодии, тихие, как журчание ручейка, от которых на душе становилось еще печальнее. Потом она велела служанкам спеть песню «Густой иней», а сама сняла пояс, подхватила им поудобней цитру и стала подыгрывать. Вот эта песнь:

Поднявшийся ветер...
Полоска вечерней зари...

¹ Должно быть, в песне, слова которой не сохранились, говорится в метафорической форме о неразделенной любви, отсюда и сравнение кувшина и воды с влюбленными.

² Китайская цитра (кунхоу) — музыкальный инструмент, имеющий двадцать пять струн.

Листва, опадая,
Все льнет еще к старым ветвям.

Пусть верное сердце
Любовью, как прежде, горит,—
Печаль, господин, велика,
Но неведома вам...

Поется, что иней
Под утро тропу запылит
И полог застынет,
Которым задернуто ложе...

Что толку мечтать понапрасну,
Надеждой пропикнувшись тщетной,
И ждать, чтобы ипеем белым
Окутался мир предрасветный?

Когда песнь смолкла, было уже поздно, и девушка провела ночь с Чжао. Они простились в четвертую стражу, перед рассветом. Девушка подарила Чжао на память золотую шпильку, а он ей — серебряную чашу и ложку из чистого стекла.

Утром Чжао случайно проходил мимо храма Цинси, зашел внутрь и, к своему изумлению, увидел там свою чашу, а за ширмой стеклянную ложку, там же была и цитра, обвязанная поясом. В храме перед изображением богини стояли девушки в синих одеждах. Вглядевшись, Чжао узнал в них своих ночных посетительниц.

Это произошло в пятый год правления, известного под названием Юань-цзя³. Ничего подобного после этого с Чжао никогда не случилось.

ЖЕЛТЫЙ ВОРОБЕЙ С ГОРЫ ХУАИНЬ

Ян Бао из округа Хуннун был добрым ребенком. Однажды, когда ему было девять лет, он отправился на гору Хуань, где увидел желтого воробья, израненного соевой. Тот свалился с дерева и, не в сплах взлететь, подвергся нападению муравьев. Ян Бао отнес птицу домой и устроил ее на стропилах в своей комнате. Ночью он услышал отчаянный писк, мальчик зажег светильник и увидел, что птицу одолевают комары; тогда он посадил

³ То есть в 428 г.

воробья в коробку. Кормил он птицу желтыми лепестками. Дней через десять раны у нее зажили, и она снова могла летать. Утром она улетала, а вечером возвращалась в свою коробку. Так продолжалось более года. Однажды с ней прилетела целая стая воробьев, они кружили по комнате, громко чирикавая, а через несколько дней исчезли.

В ту же ночь, в третью стражу, когда Ян Бао сидел над книгой, вошел мальчик в желтой одежде.

— Я — посланец богини-матери, — сказал он. — Я спешил на Волшебную гору, когда на меня напала сова. Ты добрый, ты пожалел меня и спас. Сейчас мой путь — к южным морям.

Он дал Ян Бао четыре кольца из нефрита и сказал:

— Пусть потомки твои будут чисты, как этот нефрит, и они станут великими мужами.

Вскоре о благочестии Ян Бао стало известно во всей Поднебесной, и слава о нем росла с каждым днем. Его сын Ян Чэнь имел сына по имени Ян Бин, у которого тоже был сын Ян Бао. Все они — четыре поколения — были знаменитыми государственными мужами.

Когда Ян Бао умер, то во время его похорон на гроб опустилась огромная птица. Люди говорили, что появление этой птицы — признак истинного благочестия усопшего.

РАССКАЗЫ О НЕОБЫЧАЙНОМ

ЗОЛОТОЙ ПЕТУХ

В уезде Юйду округа Нанькан, на расстоянии трех ли от уездного города вниз по реке, находится Мэнкоу. Там есть пещера, похожая на каменную комнату. В старинном предании говорится, что около этой пещеры появляется волшебный петух, сияющий, словно золото. Он хлопает крыльями, кружится и поет, но как только заведет людей, скрывается в пещере, которую поэтому называют Петушиной.

В давние времена один крестьянин, трудившийся на своем поле под горой, увидел, как петух вышел из пещеры и начал свои забавы. Вдруг появился великан и попытался убить петуха камнем из пращи; увидев великана, петух испугался и скрылся в пещеру. Камень, выпущенный из пращи, угодил в пещеру, а так как он имел шесть чи в поперечнике, то заклинил вход, осталась лишь небольшая лазейка, в которую невозможно было протиснуться.

Однажды другой человек, плывший вверх по реке на лодке, находясь от горы на расстоянии одного ли, увидел путника в желтой одежде, который нес две корзины с дынями. Путник попросил подвезти его, и лодочник

пустил его в лодку. Человек в желтом попросил поесть, лодочник дал ему еды и вина. Тот еще не покончил с едой, когда лодка подплыла к скале. Лодочник попросил у человека в желтом дыню, тот не дал и выплюнул обратно на тарелку недожеванную еду. Потом он поднялся на скалу и исчез. Лодочник вначале было рассердился, но, увидев, что путник исчез в пещере, догадался, что это волшебник. Он взглянул на тарелку и увидел золото.

КАК ВАН СЖЕГ ВУРДАЛАКА

В первые годы правления, известные под названием Юань-цзя, некто по имени Ван, из Фуяна, закинул на мелководье бамбуковую вершу, чтобы наловить крабов. Когда на следующее утро он пришел осмотреть вершу, то нашел в ней лишь сук длиною в два локтя. Он починил вершу, а сук выкинул на берег. На следующее утро он опять обнаружил в верше тот же сук и ни одного краба. Ван снова привел вершу в порядок, а сук выкинул. Но на другой день повторилось то же самое.

Заподозрив, что этот сук заколдованный, Ван положил его в корзину для крабов, взвалил ее на плечо и поклялся разрубить проклятый сук и сжечь его, как только доберется до дома. Не дойдя трех ли до дома, Ван почувствовал, как в корзине что-то зашевелилось. Он заглянул в корзину и увидел, что сук превратился в чудище с лицом человека, туловищем обезьяны, с одной рукой и одной ногой.

— Я очень люблю крабов, и, чтобы достать их, мне пришлось залезть в твою вершу и испортить ее,— сказала чудище Вану.— Вина моя перед тобой велика, но ты прости меня и отпусти на волю. Я — дух гор и позабочусь, чтобы в твоей верше всегда было много больших крабов.

— Ты несколько раз причинил мне вред,— отвечал Ван.— Ты заслуживаешь смерти.

Чудище умоляло Вана отпустить его на свободу.

— Как твое имя? — спрашивало оно.

Но Ван отвернулся и ничего не отвечал. Когда он почти добрался до дома, чудище сказало:

— Раз ты не отпускаешь меня и не хочешь назвать

свое имя, то я ничего не могу поделать, придется мне умереть.

Войдя в дом, Ван развел в очаге сильный огонь и сжег в нем чудище. И никаких бед от этого не произошло.

В тех местах такое чудище называют «горный вурдалак». Говорят, что, узнав имя человека, чудище может наслать на него порчу. Поэтому-то оно и допытывалось у Вана, как его зовут. Чудище хотело погубить Вана и освободиться.

РАССКАЗЫ О ПОТУСТОРОННЕМ МИРЕ

НЕОЖИДАННАЯ НАХОДКА

Дин Чэн из округа Цзинь — другое его имя Дэ-шэнь — был правителем в Нингоине во времена династии Цзинь, в период правления под названием Цзянь-ань¹.

Случилось так, что однажды какая-то женщина набирала воду из колодца в северном пригороде, когда человек, по виду чужестранец, с длинным носом и глубоко сидящими глазами проходил мимо и попросил напиток. Утолив жажду, чужеземец исчез, а женщина сразу же почувствовала боль в животе, которая становилась все сильнее и сильнее. Она стонала и охала, потом вдруг села и стала отдавать приказания на каком-то чужом языке. Несколько десятков жителей глазели на женщину, обступив ее со всех сторон. Женщина потребовала бумагу и кисть для письма. Взяв кисть, она начала писать по-чужестранному, слева направо, а написанные листы бросала на землю. Исписав пять листов, она велела людям их прочесть, но никто из горожан не смог

¹ Здесь имеется в виду период правления, известный под названием Цзянь-юань (343—344). В рукописный первоисточник, очевидно, вкралась ошибка переписчика.

этого сделать. Заметив мальчика лет десяти, женщина кивнула на него и сказала, что он сможет прочесть. Мальчик взял исписанные листы и, к немалому удивлению собравшихся, прочитал их. Затем женщина велела мальчику плясать. Мальчик встал и начал дрыгать ногами и махать руками. Потом вместе с ним плясала и пела женщина.

Об этом донесли правителю, он призвал к себе женщину и мальчика и стал их расспрашивать. Женщина отвечала, что она не помнит, что делала. Желая непременно узнать, что было написано женщиной, правитель послал с этими листами гонца в монастырь Сюйчан, где находился старый монах-чужеземец, многие годы живший в Китае.

— Часть буддийской канонической книги была утеряна, — сказал изумленный монах, — мы искали утраченное в дальних местах и начали опасаться, что никогда не обретем его. Некоторые места мы знали наизусть, но не полностью. И вот утерянное — передо мною.

Монах переписал принесенные листы и сохранил их.

ДУХИ-МСТИТЕЛИ

БРАТЬЯ

Во время династии Сун¹ в городе Дунхай жил человек по имени Сюй. Когда у него родился сын, его назвали Те-цзю, что значит Железная Ступа. Мать ребенка умерла от родов, и Сюй взял себе новую жену из дома Чэнь. Она оказалась очень злой и решила извести пасынка. Когда у нее родился сын, она произнесла над ним заклинание:

— Если ты не убьешь Железную Ступу, я тебе не мать!

И дали ему имя Те-чу, Железный Пест, в надежде, что пест разобьет ступу. Мачеха была пасынка, издевалась над ним, не кормила, когда он был голоден, не давала одежды, когда он мерз.

Отец мальчика часто бывал в отлучке, да и побаивался своей жены, поэтому она делала все, что хотела. В конце концов от недоедания и побоев бедный мальчик умер. Ему едва минуло шестнадцать лет.

Дней через десять дух умершего вдруг явился в дом и подошел к ложу мачехи.

¹ Династия Сун правила с 420 по 478 г.

— Я Железная Ступа,— молвил он.— За мной не было никакой вины, вы загубили меня понапрасну. Моя матушка гневается на небесах, и я послан за Железным Пестом. Он должен умереть в муках, так же как и я. Он скоро покинет этот мир. Я подожду его здесь.

Это был словно живой Те-цзю, все домочадцы слышали его голос, хотя самого юношу никто не видел. А незванный гость между тем устроился на стропилах.

Мачеха, упав на колени, каялась, била себя по лицу, приносила жертвы в честь пасынка.

— Теперь это ни к чему,— говорил дух.— Вы меня уморили голодом, а сейчас хотите задобрить подношениями.

Ночью мачеха принялась корить своего пасынка.

— Да как вы смеете! — рассердилось вдруг привидение.— Я сокрошу ваш дом.

Тут все услышали звук пилы. Посыпались опилки. Ночью раздался страшный грохот, словно рушился весь дом. Перепуганные люди выскочили наружу и зажгли факелы. Но оказалось, что ничего не случилось.

А дух все поносил свою мачеху:

— Погубили меня, а сами жили не тужили. Сейчас сожгу этот дом.

И домочадцы увидели, как посыпались искры, пламя и клубы дыма охватили дом. Они содрогнулись от ужаса. Между тем огонь вскоре утих, и все, даже соломенная крыша, осталось невредимо.

Каждый день в доме слышалась ругань, затем ее сменяла песня:

Сгубил безжалостный иней
Персиковый цветок.

Быть может, дикую сливу
Постигнет такой же рок?

Жалобный голос терзал душу, словно привидение оплакивало свою раннюю смерть.

С тех пор как появилось привидение, шестилетний Те-чу занемог. Все тело его ломило, живот вздулся, мальчик перестал есть. Дух умершего бил мальчика, и тело его покрылось синяками и кровоподтеками. Через месяц он умер, и привидение исчезло навсегда.

Император У-ди¹ династии Лян решил воздвигнуть храм на могиле своего отца, но не мог найти подходящего леса. Всем уездным начальникам был отдан приказ искать годный для постройки материал.

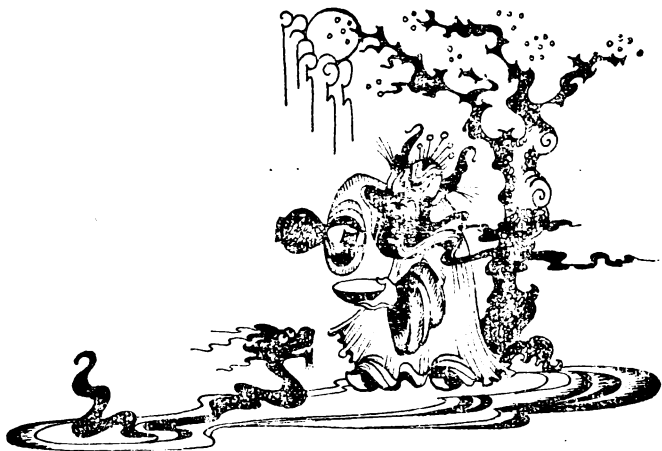
Случилось так, что один богач из Цюйэ по имени Хун приобрел при помощи родственников много товаров и повез их на продажу в Сянчжоу. Через год он купил плот длиною в тысячу шагов, составленный из стволов дерева какой-то редкой, неведомой породы. На обратном пути, в Наньцзине, купца схватили: местный правитель Мэн Шао-цин, желавший выслужиться перед двором, возвел на него напраслину. У него нашли одежды и шелк, которые было запрещено иметь людям его звания, и купца обвинили, будто он эти вещи украл во время поездки. За нарушение императорского указа несчастного приговорили к смертной казни, плот взяли в казну, чтобы использовать для постройки храма, и стали ждать утверждения приговора.

За день до казни купец наказал жене и детям положить в гроб желтую бумагу, кисть и тушь и поклялся отомстить обидчику после смерти. Он написал на бумажке много раз имя Мэн Шао-цина и ту бумажку проглотил.

Прошел месяц. Однажды Мэн Шао-цин сидел в суде, когда увидел, как к нему вошел дух казненного купца. Он хотел убежать, но понял, что это бесполезно, и признал свою вину. Он умолял о прощении. Вдруг у него горлом пошла кровь, и через некоторое время он умер. Все чиновники и служители, имевшие отношение к осуждению купца, умерли в течение года один за другим.

Храм еще не был достроен, когда на него упал с неба огонь, и от постройки ничего не осталось. Даже врытые в землю деревянные столбы превратились в пепел.

¹ Император У-ди правил с 502 по 549 г.

ЗАПИСКИ О ХРАМАХ ЛОЯНА

ДУХ РЕКИ ЛОШУИ

Во времена династии Вэй, в период правления, известный под названием Сяо-чан¹, один из дворцовых телохранителей, Ло Цзы-юань, называвший себя жителем Лояна, оказался в Пэнчене. Его товарищ по службе Фань Юань-бао собирался возвращаться в столицу, и Ло Цзы-юань попросил его отвезти письмо родителям.

— Мой дом стоит на берегу реки, к югу от башни Линтай, — сказал он. — К тебе выйдет кто-нибудь из моих родственников.

В столице Фань принялся разыскивать родных своего сослуживца, но к югу от башни Линтай никакого дома не оказалось. Он уже хотел было уйти, как вдруг увидел старца, который подошел к нему и спросил:

— Откуда ты? И почему здесь бродишь?

Фань охотно рассказал, зачем он прибыл в эти места.

— Так это же мой сын! — воскликнул старик, взял письмо и повел гостя за собою. Они проследовали мимо высоких строений, просторных беседок, красивых домов.

¹ Здесь имеется в виду династия Северная Вэй (386—535). Период правления Сяо-чан приходится на 525—526 гг.

Когда пришли к старику и гость уселся, хозяин велел принести вина. Вскоре Фань увидел, как служанка прошла через комнату с мертвым ребенком на руках, и очень этому удивился. Подали вино, оно было красного цвета и имело приятный аромат. Затем последовали редкие угощения; на столе было все, что только могут дать море и земля. После пира Фань стал прощаться, и старик, проводив его до выхода, сказал, что, к великому сожалению, им больше никогда не придется встретиться. Он тепло простился с гостем и вернулся в дом. И тут же все исчезло. Фань стоял на голом безлюдном берегу реки, которая несла свои воды на восток. Неподалеку он увидел мертвого мальчику, из ноздрей у него еще текла кровь, и Фань догадался, что за вино он пил во время пира.

Фань вернулся в Пэнчен, но оказалось, что Ло Цзыюань куда-то исчез. Три года они служили вместе, и Фаню никогда не приходило в голову, что его приятель— дух реки Лошуй.

ЗАПИСКИ О ЗАБЫТОМ

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ СЮЭ ЛИН-ЮНЬ, ВОЗЛЮБЛЕННОЙ ИМПЕРАТОРА ВЭНЬ-ДИ

Лин-юнь, возлюбленная императора Вэнь-ди, родилась в Чаншане, в семье Сюэ. Отца ее звали Сюэ Е, и служил он начальником охраны в Цзуньсяне. Мать была из рода Чэнь и всюду следовала за мужем. Жили они бедно, и она до позднего вечера ткала вместе с соседками, а когда становилось темно, зажигала светильники с конопльным фитилем и продолжала работу.

Когда их дочери Лин-юнь исполнилось пятнадцать лет, никто не мог сравниться с нею красотой. Юноши по вечерам приходили, чтобы хоть тайком взглянуть на нее, но она никогда не показывалась.

В первый год правления под названием Сянь-ди¹ некто по имени Гу Си, начальник охраны в Чаншане, прослышал о красоте Лин-юнь и о том, что семья ее живет в сильной нужде. В то время император набирал себе во дворец юношей и девушек из добропорядочных семей; Гу Си дал родителям Лин-юнь много золота и дра-

¹ То есть в 264 г. Императору Вэнь-ди, который царствовал в 220—226 гг. под девизом Хуан-чу, ошибочно приписаны чужой девиз и чужие годы правления.

гоценных подарков, чтобы только те отдали дочь, и добился своего.

Лин-юнь, узнав, что ей придется расстаться с родителями, рыдала несколько дней, и платье ее было мокрым от слез. Сидя в телеге, она держала в руках яшмовую чашу, и слезы катились в нее. Пока доехали до столицы, слезы в чаше стали густыми и красными, как кровь.

Император выслал навстречу Лин-юнь прекрасную колесницу, в которую обычно запрягали сорок коней. Колеса были украшены золотом, ступицы разрисованы синими узорами, а на хомутах висели свадебные колокольчики из серебра; их мелодичный звон разносился по лесам и полям. Колесницу влек черный буйвол; копыта у него были как у лошади, в день он мог пробежать триста ли. Буйвола этого прислали в подарок от правителя соседнего удела.

По бокам дороги горели курильницы из слоистого камня шие, похожего на слюду. Сияние и аромат курильниц, привезенных из далекой страны, прогоняли тяжелые недуги. Несколько десятков ли ехала Лин-юнь этой дорогой, пока добралась до столицы. И вдоль всей дороги стояли светильники. Всадников и колесниц на дороге было столько, что пыль, поднятая ими, застилала луну и звезды. Люди называли эту ночь «пыльной ночью». Был сооружен также холм высотой в тридцать чжан, подножие которого окружали светильники. Этот холм называли «Холмом светильников».

Если смотреть на него издали, кажется, будто это звезды, упавшие на землю. Сбоку дороги, через каждое ли, стояли медные таблицы высотой в пять чжан, указывавшие расстояние до столицы. Поэтому путешественники поют:

Как и прежде, вдоль дороги пыльной
Ясени безмолвные стоят.
В башне, что виднеется отсюда,—
Государь с избраницей своей.
Мелкий дождь, и ветерок прохладный,
И цветов душистых аромат.
Золото обочины дороги.
Отблеск догорающих огней...

Заключительные две строки имеют вещий смысл. Первая из них означает медные таблицы вдоль дороги,

вторая — светильники, горящие вокруг холма. Под словами «отблеск догорающих огней» подразумевается конец династии Вэй, «золото обочины дороги» означает возвышение династии Цзинь, ибо слово «золото» — «цзинь» — созвучно с названием династии.

В десяти ли от столицы девушку встретил император на колеснице из резной яшмы. Увидев множество колесниц и людей, он воскликнул:

— В старину невеста одного императора утром превращалась в облако, вечером — в дождь. А сейчас нет ни облаков, ни дождя и ни утро, ни вечер! Твое имя теперь Е-лай — «Пришедшая ночью»!

Она поселилась во дворце, и император полюбил ее. Как-то из чужой страны ей прислали в подарок шпильку из огненного жемчуга с изображением дракона и феникса.

— Светлый жемчуг и малахит тяжелы для тебя, тем более эта заколка, — сказал император и не отдал ей подарок.

Е-лай могла шить и вышивать в темноте, без светильника. Император надевал только одежды, сшитые Е-лай. Во дворце ее звали «Чжэнь-шэнь» — «Богиней Иглы».

ВАН ДУ

ВОЛШЕБНОЕ ЗЕРКАЛО

Ученый муж по имени Хоу из Фэнъяня, живший при династии Суй, был человек необыкновенный. Я, Ван Ду, считаю его своим учителем. Перед своей кончиной он подарил мне древнее зеркало, сказав при этом:

— Береги его, и тебя минуют все наваждения.

Я принял подарок и очень дорожил им. Зеркало имело восемь цуней¹ в поперечнике, на обратной его стороне было рельефное изображение лежащего единорога, вокруг которого располагались черепаха, дракон, феникс и тигр — каждый в своей четверти круга. Ближе к краю следовали восемь триграмм и двенадцать созвездий², а по самому краю были отчетливо начертаны двадцать четыре иероглифа, написанные как бы в стиле «ли»³, но таких знаков не найдешь ни в одной книге.

Учитель говорил:

— Эти двадцать четыре знака соответствуют двадцати четырем сезонам года.

¹ Цунь — мера длины, равная 3,2 см.

² Двенадцать созвездий — знаки зодиака.

³ Стиль «ли» — один из стилей китайской каллиграфии.

Когда на зеркало падали лучи солнца, то все изобразили и знаки его обратной стороны отчетливо выступали на тени, отбрасываемой зеркалом. При легком ударе зеркало издавало чистый звон, который не затихал в течение целого дня. Конечно же, это было необыкновенное зеркало! И не удивительно, что учитель дорожил им и считал зеркало чудодейственным. Однажды он сказал мне:

— Давным-давно я слышал, что император Хуан-ди ⁴ отлил пятнадцать зеркал. Первое имело в поперечнике пятнадцать цуней, что соответствует пятнадцати дням — сроку, в течение которого луна из узкого серпа превращается в полный диск. Каждое следующее зеркало было в поперечнике меньше предыдущего на один цунь, — следовательно, это зеркало восьмое по счету.

Хотя времена Хуан-ди — глубокая старина и письменных свидетельств об этом не сохранилось, тем не менее в словах такого достойного мужа, каким был учитель Хоу, сомневаться невозможно. В далекую старину Ян добился благополучия, приобретя нефритовый перстень, а Чжан Гун погиб, потеряв свой меч. Нынче наступили тревожные времена, и я с глубокой печальюзираю на происходящее; вся страна словно охвачена огнем — где найдется место для спокойного житья! И вдобавок ко всем бедам — вот несчастье! — я лишился драгоценного зеркала! Поэтому я хочу рассказать о всех чудесах, связанных с ним, чтобы те, кто станет его обладателем в грядущих поколениях, знали о его происхождении.

Как я уже говорил, это зеркало досталось мне в пятом месяце седьмого года правления Да-е ⁵ от учителя Хоу, кончина которого совпала с моим приездом в Хэдун по окончании срока цензурства. Возвращаясь в шестом месяце того же года в Чанъань, я попал в Чанлэпо и остановился на постоялом дворе, который содержал некий Чэн Сюн. Я достал свое зеркало, чтобы привести себя в порядок, как вдруг новая служанка хозяина, очень красивая девушка по имени Ин-у, что значит «Попугай», повалилась на пол и стала биться головой о доски.

— Пощадите меня! — кричала она, обливаясь кровью.

⁴ Согласно преданию, мифический император Хуан-ди жил с 2697 по 2597 г. до н. э.

⁵ Седьмой год правления Да-е приходится на 611 г.

Я позвал хозяина и спросил, что это значит.

— Два месяца назад ее привел один приезжий,— отвечал Чэн Сюн,— девушка была очень больна, и человек этот оставил ее, сказав, что заедет за ней на обратном пути. С тех пор он не появлялся, а девушка стала служить у меня. Больше я ничего о ней не знаю.

Подозревая, что это оборотень, я приблизился к девушке с зеркалом в руках.

— Пощадите меня, и я приму свой первоначальный вид! — взмолилась она.

— Сначала расскажи о себе, потом примешь свой прежний вид,— сказал я, пряча зеркало,— и я тебя пощажу.

Девушка поклонилась и стала рассказывать:

— Я — лисица и мне уже тысяча лет, я жила под старой сосной, растущей перед храмом на горе Хуашань. За свои превращения я заслужила кару — смерть. Меня схватил было владыка горы Хуашань, но я ускользнула и бежала в места, где текут реки Хэ и Вэй. Там Чэнь Сы-гун из Сягуя удочерил меня и относился ко мне с добротой. Позднее меня взял в жены человек из тех же мест по имени Чай Хуа, но жизнь с мужем не ладилась, и я убежала на восток. В Ханьчэне мною завладел Ли У-ао, человек жестокий и беспощадный. Несколько лет он силой заставлял меня кочевать вместе с ним, потом привез меня сюда и покинул. К несчастью, я натолкнулась на это волшебное зеркало и не могу больше скрывать свое подлинное обличье.

— Ты лисица и, вероятно, принимала человеческий облик для того, чтобы причинять людям зло? — спросил я.

— Наоборот, чтобы служить им,— отвечала девушка.— Но зверь, принимая облик человека, оскорбляет богов, и я готова принять смерть.

— Я хотел бы пощадить тебя, если это возможно,— сказал я.

— Благодарю вас за вашу доброту, но, оказавшись однажды под лучом этого зеркала, я уже не могу сохранять чужой облик. И хотя я в течение долгого времени была человеком, мне придется принять свое настоящее обличье. Об одном только прошу — уберите зеркало в ящичек, чтобы я могла выпить вина перед смертью.

— А ты не убежишь, если я спрячу зеркало? — спросил я.

Смеясь, она отвечала:

— Как я могу убежать? Ведь вы, ваша милость, хотели пощадить меня. Но от волшебного зеркала я не могу уйти. Лишь одного хочу — чуточку веселья перед своей гибелью.

Я убрал зеркало в ящик, угостил девушку вином и пригласил соседей присоединиться к пиру. Девушка быстро захмелела и, поправив одежду, начала танцевать и петь:

О зеркало!
Я расстаюсь с тобой!
О жизнь, прощай!
Я над собой не властна.

С тех пор
Как изменился облик мой,
Продарствовало
Множество династий!

Хотя порою
Радостно нам жить —
Лишь смерть избавит
От тоски и бед.

Зачем же
Этим миром дорожить?
За жизнь цепляться,
Право, толку нет!

Закончив песню, девушка снова поклонилась, к удивлению всех присутствующих, превратилась в лисицу и умерла.

В первый день четвертого месяца, в восьмой год правления Да-е, случилось солнечное затмение. Я в это время отдыхал в одной из комнат цензората и вдруг заметил, что стало темнеть. Вскоре пришел служитель и сказал, что затмение еще только начинается. Я поднялся, достал зеркало, чтобы привести себя в порядок, и тут увидел, что оно сильно потускнело и не отражает света. Я догадался, что зеркало имеет связь с тайной мрака и света, иначе почему вместе с затмением солнца оно утратило свой блеск? Не успел я прийти в себя от изумления, как зеркало снова заблестело, солнце тоже начало постепенно открываться. Когда оно засияло по-прежнему, зеркало обрело свой обычный блеск. С этих пор я стал

замечать, что во время затмения солнца или луны зеркало становилось тусклым.

В том же году, в пятнадцатый день восьмого месяца, мой друг по имени Сюе Ся навестил меня и показал бронзовый меч, четырех чи в длину, с клинком и рукоятью, выкованными из одного куска; рукоять украшали изображения дракона и феникса, а сверкающий клинок — узоры, напоминающие то языки огня, то рябь на воде.

— С этим мечом происходят замечательные явления, — сказал Сюе Ся. — Если его положить в темную комнату в пятнадцатый день любого месяца, когда на небе сверкает полная луна, то от меча на несколько чжанов вокруг расходятся яркие лучи. Я владею этим мечом уже несколько лет и, зная, что ты жаден до всяких необычайных древних вещей, как голодающий до пищи и жаждущий до питья, сегодня ночью готов показать тебе необыкновенные свойства моего меча.

С большой радостью принял я предложение. Небо в эту ночь было чистое, мы закрылись в комнате, куда не проникал ни один луч света, и приступили к испытанию. Я тоже достал свое зеркало и положил его около себя. Оно вспыхнуло ярким светом, и в комнате стало светло, как днем. От меча же не исходило никакого сияния. Сюе Ся был очень удивлен и сказал:

— Убери, пожалуйста, зеркало в ящик.

Я повиновался, и меч засветился, отбрасывая лучи лишь на один шаг.

Мой друг, поглаживая меч, вздохнул и сказал:

— Видно, в Поднебесной и среди волшебных вещей есть свои законы: менее совершенное должно уступать более совершенному.

С этих пор каждый раз, когда в полнолуние я вынимал зеркало в темной комнате, оно начинало сверкать и далеко отбрасывать лучи. Если же в комнату проникал лунный свет, то зеркало не сияло: разве с блеском солнца и луны может что-нибудь соперничать?!

Зимой того же года я был временно назначен придворным историком и загорелся желанием составить жизнеописание Су Чо. Случилось так, что мой старый семидесятилетний слуга по имени Бао Шэн некогда находился у него в услужении. Старик был очень сведущ в истории и знал толк в литературных сочинениях. Ког-

да он увидел мои наброски жизнеописания Су Чо, то безмерно опечалился. Я спросил его о причине этого, и он рассказал следующее:

— Господин Су был добр и щедр, и мне очень грустно, что все предсказанное им сбылось. Ваше драгоценное зеркало в свое время было подарено ему близким другом по имени Мяо Цзи-цзы из Хэнани, и господин Су очень берег его. В год своей кончины он часто грустил и говорил своему другу: «Смерть моя не за горами, и я беспокоюсь, в чьи руки попадет зеркало! Сейчас я хочу погадать на ветках, а ты будешь присутствовать при этом». Он велел мне принести ветки, сам разложил их и, закончив гадание, сказал: «Через десять лет после моей смерти моя семья утратит это зеркало. Кому оно достанется — неизвестно. Однако волшебный предмет всегда может дать какое-либо сверхъестественное знамение. Некоторые приметы указывают на то, что зеркало окажется в районе между реками Хуанхэ и Фэньхэ. Об этом говорят и ветки». «Но кому же оно достанется?» — спросил Мяо Цзи-цзы. Господин Су еще раз внимательно рассмотрел веточки и сказал: «Сначала оно попадет во владение дома Хоу, а потом станет собственностью дома Ван. Что станет с ним после этого, сказать не могу».

Закончив рассказ, слуга зарыдал. Я собрал сведения о семье Су Чо и узнал, что у него действительно было чудесное зеркало, а после смерти хозяина оно исчезло, — все соответствовало рассказу моего слуги Бао Шэна. Об этом я упомянул в жизнеописании Су Чо в строках: «Су Чо так искусно гадал на ветках, что мог даже предсказать свое будущее».

В девятый год правления Да-е, в первый день нового года, в наш дом пришел за подающим странствующий буддийский монах из западных областей. Мой брат Ван Цзи, удивленный внезапным появлением монаха, пригласил его в дом и накормил.

— В этом гостеприимном доме находится волшебное зеркало, — сказал монах, — можно ли посмотреть на него?

— Как вам стало известно об этом? — спросил мой брат.

— Я сведущ в магии, — отвечал монах, — и потому могу обнаруживать присутствие волшебных предметов.

В течение последних двух лет я наблюдаю зеленоватый свет, исходящий из вашего дома днем, и красный свет, когда сияет луна. Все это приметы волшебного зеркала, и, выбрав благоприятный день, я пришел в надежде увидеть его.

Брат принес зеркало, монах взял его в руки и начал пританцовывать от радости, потом сказал брату:

— Это зеркало обладает несколькими волшебными свойствами, о которых вы не знаете. Если зеркало покрыть золотой мазью и посыпать истолченным в порошок жемчугом, то его лучи будут проникать сквозь стены.— Потом он со вздохом продолжал:— Если же перед этим окурить его золотыми благовониями и омыть нефритовой водой, то можно увидеть внутренние органы человека. Но беда в том, что нет лекарств для лечения обнаруженных недугов.

Монах оставил золотые благовония, нефритовую воду и другие эликсиры и удалился. С тех пор он не появлялся. Опыты с зеркалом были проделаны, и все вышло так, как говорил монах.

Осенью того же года я был назначен правителем города Жуйчэн. Перед домом правителя росло многовековое дерево жужуб, возраст которого никто не мог точно определить. По установленному обычаю, правитель, вступая в должность, приносил жертву этому дереву, иначе неминуемые беды ожидали его. Я считал, что злые духи порождены людским воображением, и не собирался приносить положенных жертв, но чиновники и служители умоляли меня не нарушать обычай, я не смог отказать им и уступил. Затем я подумал, что огромное дерево, имевшее несколько чжан в обхвате, может и в самом деле быть прибежищем каких-нибудь чудовищ, наделенных магической силой, поскольку никто не осмелился уничтожить его. Поэтому я тайно ото всех повесил волшебное зеркало среди ветвей этого дерева. В ту же ночь, во вторую стражу, раздался оглушающий грохот, подобный грому небесному. Я вскочил с ложа и выбежал из дома. В ночном мраке бушевала гроза, среди молний и грома дерево сияло сверху донизу. Утром под деревом обнаружили огромного змея, издохшего от множества ран. У змея были фиолетовая чешуя и красный хвост, зеленая голова и белый рог, а на лбу виднелся знак «ван» — «князь». Я забрал свое зер-

кало, велел сжечь змея посреди улицы, а дерево приказал выкопать. Внутри оно оказалось полым, а под корнями обнаружили логово со следами змея. После этого никакие злые духи не беспокоили окрестных жителей.

Зимой я получил приказ проследить за раздачей продовольствия из государственных закромов в округе Хэбэй. Население тех мест страдало от голода и болезней, особенно в окрестностях Пу и Шань. Среди сопровождавших меня людей был уроженец этих мест Чжан Лун-цзюй, семью которого, состоящую из нескольких десятков едоков, преследовали всяческие болезни и недуги. Пожалев этого человека, я захватил свое сокровище и отправился в дом Чжана. Зеркало я оставил хозяину дома, наказав только ночью извлечь его из футляра. При виде зеркала все страждущие сразу поднялись с постелей. Они потом говорили, что лучи предмета, похожего на луну, были холодны как лед и изгнали лихорадку. Поскольку зеркалу не было причинено никакого ущерба, я решил употребить его для облегчения страданий народа и велел Чжан Лун-цзюю носить это зеркало по другим домам. Но в ту же ночь зеркало, находившееся в футляре, стало издавать зловеющий звон, который разносился далеко вокруг и долго не умолкал. Это показалось мне удивительным. Утром Чжан Лун-цзюй пришел ко мне и сказал:

— В эту ночь мне приснился человек с головой дракона и туловищем змея, в алой папке и в лиловых одеждах. Он назывался духом зеркала по имени Цзычжэнь. «Я явился тебе, — изрек он, — потому что оказал помощь твоему семейству. Передай правителю Ван Ду, что болезни, ниспосланные на людей, — наказание неба, так зачем же он хочет заставить меня действовать против воли небесной? К тому же болезни прекратятся через несколько месяцев».

Я исполнил веление духа, и через несколько месяцев больные действительно стали выздоравливать, как и предсказывал дух зеркала.

В десятый год правления Да-е мой брат Ван Цзи, отказавшись от должности помощника правителя Люхэ, решил отправиться в длительную поездку по стране. Я отговаривал его от этой затеи:

— Повсюду беспорядки, на дорогах разбойники. Мы с тобою родные братья и никогда еще надолго не разлу-

чались. Мне кажется, будто ты навсегда покидаешь мир. Шан Цзы-пин в давние времена отправился на священные горы⁶ и больше не вернулся. Если ты последуешь примеру этого почтенного человека, то повергнешь меня в безграничную печаль.

Я заплакал.

— Решение мое твердо, и я еду, — отвечал он. — Пусть мой достойный брат не беспокоится обо мне. Ведь у Конфуция сказано: «Муж не подавляет свою волю». Живет человек сто лет и не знает, чем ему заполнить свободное время; добился истины — радуется, упал духом — печалится. Следовать своим желаниям — удел святых.

Мне ничего не оставалось, как проститься с братом.

— Перед разлукой есть у меня к тебе одна просьба, — сказал он. — Твое волшебное зеркало — неземная вещь. Я отправляюсь в дальний путь, дай мне его с собою.

— Могу ли я отказать тебе, — ответил я и отдал зеркало брату.

Он уехал и долго не подавал о себе никаких вестей. Лишь в шестом месяце тринадцатого года правления Да-е он вернулся в Чанъань. Отдавая мне зеркало, он сказал:

«Эта вещь воистину чудодейственна! Простившись с тобой, я отправился сначала к горам Суншань и Шаоши⁷. Однажды на склоне дня я очутился в диком ущелье и, завидев каменную кумирню, где могли поместиться человек пять, решил заночевать в ней. Ночь выдалась лунная. После второй стражи вдруг появились два человека: один — тощий и седой, похожий на буддийского монаха, по имени Шань Гун; другой — круглолицый черный карлик с белыми усами и густыми бровями, по имени Мао Шэн.

— Кто здесь? — спросил карлик.

— Искатель необычайного, странствующий по глухим местам, — отвечал я.

Пришельцы сели и завели долгую беседу, которая показалась мне подозрительной. Полагая, что они яви-

⁶ Имеются в виду пять гор, почитавшихся в Китае священными, — Тайшань, Хуашань, Хошань, Хэшань, Суншань.

⁷ Шаоши — священная гора в провинции Хэнань.

лись с дурными намерениями, я незаметно взял ящичек и вынул из него зеркало. Едва оно засияло, оба мои собеседника с хрипом упали наземь. Карлик превратился в черепаху, а монах — в обезьяну. Зеркало я повесил, и к рассвету животные издохли. Черепаха была покрыта зеленой плесенью, а обезьяна — белой шерстью.

Затем я побывал на горе Цзишань⁸, переправился через Иншуй и в уезде Тайхэ осмотрел нефритовый колодец. Около колодца есть пруд, такой глубокий, что вода в нем кажется зеленой. Я спросил о нем дровосека, и тот сказал мне, что пруд этот — страшное место. Здешние жители восемь раз в году приносят ему жертвы и молят о милосердии. Если жертвоприношение не соответствует ритуалу, то из пруда поднимается черная туча и сильный град разрушает плотины и дамбы.

Я вынул зеркало и обратил его на пруд. И тотчас же вода в нем забурлила, раздался грохот, словно земля содрогнулась. Вдруг вода взметнулась ввысь и разлилась на двести шагов в округе, а дно оголилось. Посреди пруда лежала рыба длиной более чжана, толщиной с руку. Голова рыбы была красная и острая, как у осетра, а лоб белый, вся она была покрыта темными и желтыми полосами. Без чешуи, покрытая слизью, она походила на змею и имела рог дракона. Она извивалась в иле и блестела, но далеко уползти не могла. Это был водяной змей, без воды он не мог двигаться. Его закололи и зажарили. Мясо оказалось жирным и вкусным, его хватило на несколько дней.

Затем я отправился в Бяньчжоу⁹. У правителя города Чжан Ци была больная дочь: с наступлением темноты девочка начинала кричать от нестерпимой боли.

Мне сказали, что болезнь эта давняя. Днем она не дает себя знать, мучения начинаются только с наступлением вечера. Я поселился в отведенном мне помещении; услышав однажды вопли девочки, я достал зеркало и осветил им больную. Она крикнула:

— Погиб мой милый!

И тут с постели больной свалился огромный петух и издох. Оказалось, это был старый петух хозяина.

⁸ Цзишань — гора в провинции Хэнань, о которой существует много легенд и преданий.

⁹ Бяньчжоу — нынешний город Кайфын.

Когда я переправлялся через Янцзыцзян возле города Янчжоу, над рекой спустились темные тучи, вихрь поднял волны, и лодка потеряла управление. Надо было что-то предпринять, иначе мне грозила гибель. Я схватил зеркало и осветил им реку. Луч света пронзил толщу воды до самого дна. Ветер сразу стих, волны улеглись, и в мгновение ока мы очутились в тихой бухте.

Странствуя в магнитных горах Шэшань, я всходил на горные кручи, забирался в глубокие пещеры; случалось, стаи птиц, страшных и крикливых, набрасывались на меня, медведи преграждали путь. Тогда я доставал зеркало, медведи и птицы поспешно спасались бегством.

Выбрав удобное время, я решил переправиться через Цяньтанцзян, как вдруг начался отлив и нас понесло в море. Грохот водяных валов был слышен за несколько сотен ли.

— Валы уже близко: на юг плыть нельзя, — сказал кормчий. — Если не вернемся назад — быть нам в утробе рыб.

Я вынул зеркало, и взвихренные волны реки застыли, словно облака. Река вокруг лодки расступилась шагов на пятьдесят; вода стала прозрачной, показалось дно; большие черепахи и крокодилы разбегались в разные стороны. Кормчий поставил парус, и мы словно влетели в Наньпу¹⁰. Оглянувшись, я увидел, что на том месте, где мы недавно были, горами вздымались водяные валы.

Потом я поднимался на Тяньтай¹¹, любовался гротами и ущельями. Обычно я носил зеркало с собой, но однажды в ущелье я положил его на землю и отошел шагов на сто. Зеркало сияло таким светом, что можно было разглядеть мельчайшую пылинку; птицы в испуге срывались с гнезд и беспорядочно носились в воздухе.

Прибыв в Гуйцзи, я познакомился с удивительным человеком по имени Чжан Ши-луань, деяния которого описаны в моих трудах.

В Юйчжане я встретился с даосом Сюй Цзан-би. Это был седьмой потомок Шэнь-яна, умеющий заговаривать ножи и огонь. Даос поведал мне о том, что у Ли Цзиншэня, смотрителя государственных амбаров в Фэнчэнся-

¹⁰ Наньпу — гавань в уезде Наньчан провинции Цзянси.

¹¹ Гора Тяньтай находится в провинции Чжэцзян.

не, есть три дочери, обольщенные оборотнями. Он пробовал их лечить, но безуспешно. Тогда я отправился в Фэнчэнсянь. В доме Ли Цзин-шэня меня встретили с почетом, я стал расспрашивать хозяина о его дочерях, и он рассказал мне следующее: „Все три дочери живут вместе, в боковой пристройке, каждый день они наряжаются, стараясь перещеголять друг друга. В сумерки они удаляются в свое помещение и гасят светильники. Однако там слышатся разговоры и приглушенный смех. А утром их приходится будить — иначе не проснутся. День ото дня они худеют. Я пытался запретить им наряжаться — грозят повеситься или броситься в колодец. Не знаю, что и делать“. Я попросил чиновника показать пристройку. На восточной стороне находилось окно; чтобы его плотно не закрыли, я днем сломал в оконном переплете четыре перемычки, заменив их палочками.

Когда солнце закатилось, хозяин сообщил мне, что принаряженные девушки удалились в свои покои. Настала первая стража, мы прислушались: в помещении девушек слышались голоса и смех. Я рванул на себя оконный переплет и осветил зеркалом помещение. Все три девушки разом воскликнули: „О муж мой! Он погиб, погиб!“ В темноте ничего не было видно. Я подвесил зеркало и оставил его до утра в девичьих покоях. А когда рассвело, мы увидели двух крыс, совершенно голых, без единого волоска. Одна — длинная и худая, другая — жирная, весом цзиней в пять. Рядом с дохлыми крысами лежал ящер величиной с человечесью руку, покрытый переливающейся всеми цветами радуги чешуей; голова его была увенчана рожками; длинный хвост распластался по полу. С этих пор девушки выздоровели.

Отсюда я отправился прямо в Лушань, где провел несколько месяцев в праздности, бродил по лесам и дебрям, ночевал под открытым небом. Тигры и леопарды, шакалы и волки разбегались, стоило лишь направить на них луч зеркала. Чиновник в отставке Су Бин, живший в Лушане, человек ученый, обладавший даром предвидения, говорил мне: „Волшебные вещи недолго остаются среди людей. Ныне в мире всюду смуты и беспорядки, и вам следовало бы вернуться в родные места, пока цело зеркало, оберегающее от бед“.

Я согласился с ним и отправился в обратный путь на север, однако замешкался в Хэбэе, и однажды ночью

мне приснилось, будто зеркало сказала мне: „Я скоро покину мир людей и хочу проститься с твоим братом, возвращайтесь скорее в Чанъань“. Во сне я обещал выполнить его желание. Проснувшись утром, я предался размышлениям и почел за лучшее немедленно отправиться в Чанъань. И вот я с тобой, обещание мое выполнено. Но я боюсь, что ты скоро лишишься своего волшебного зеркала».

Через несколько месяцев мой брат уехал в Хэдун. В пятнадцатый день седьмого месяца, в тринадцатый год правления Да-е, из ящика, где хранилось зеркало, послышался печальный звон. Сначала слабый и отдаленный, он быстро нарастал, пока не стал подобен вою дракона и реву тигра. Некоторое время тревожные звуки оглашали воздух, потом медленно стихли. Я открыл ящик — зеркало исчезло.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие. <i>А. Тишков</i>	3
---	---

Истории о чудесах

Как Дин-бо продал привидение. <i>Перевод А. Тишкова</i>	12
Ученый муж и его жена. <i>Перевод А. Тишкова</i>	13
Нечистая сила. <i>Перевод А. Тишкова</i>	14
Женщина-рыба. <i>Перевод А. Тишкова</i>	15

Рассказы о явлении духов

Дун Юн и Небесная Ткачиха. <i>Перевод А. Тишкова</i>	17
Владыка горы Тайшань. <i>Перевод А. Тишкова</i>	18
Яшмовая дева с небес. <i>Перевод В. Панасюка</i>	20
Хань Пин и его жена. <i>Перевод В. Панасюка</i>	23
Цинь Цзюй-бо. <i>Перевод В. Панасюка</i>	24
Ли Цзи. <i>Перевод В. Панасюка</i>	25
Гань Цзян и Мо-се. <i>Перевод В. Панасюка</i>	27
Дочь правителя княжества У. <i>Перевод В. Панасюка</i>	29
Лу Чун. <i>Перевод В. Панасюка</i>	31
Чжан Пу бросает дочь в реку. <i>Перевод А. Тишкова</i>	35
Исчезнувший старик. <i>Перевод А. Тишкова</i>	36
Сестрица Дин. <i>Перевод А. Тишкова</i>	37
Два друга. <i>Перевод А. Тишкова</i>	38
Конь полководца. <i>Перевод А. Тишкова</i>	40
Мальчик на дереве. <i>Перевод А. Тишкова</i>	41
Встреча с чудищем. <i>Перевод А. Тишкова</i>	42
Старый кот. <i>Перевод А. Тишкова</i>	43
Пес из деревенской харчевни. <i>Перевод А. Тишкова</i>	44
Старый лис. <i>Перевод А. Тишкова</i>	44
Пятнистый лис, живший у древней могилы. <i>Перевод А. Тишкова</i>	45
Тысячедневное вино. <i>Перевод А. Тишкова</i>	47
Затонувший город. <i>Перевод А. Тишкова</i>	48

Рассказы о бессмертных

Как Вэй Бо-ян притворился мертвым. <i>Перевод А. Тишкова</i>	49
Чжан Дао-лин и его ученики. <i>Перевод А. Тишкова</i>	50
Волшебник Цзо Цы. <i>Перевод А. Тишкова</i>	54
Хозяин кувшина. <i>Перевод А. Тишкова</i>	58
Чудеса, которые творил Дун Фэн. <i>Перевод А. Тишкова</i>	61

Продолжение рассказов о явлении духов

Два охотника. <i>Перевод А. Тишкова</i>	65
Дева Белых вод. <i>Перевод А. Тишкова</i>	66
Верный пес. <i>Перевод А. Тишкова</i>	67

Истории тьмы и света

Как женился Хуан Юань. <i>Перевод А. Тишкова</i>	69
Птица, которая умела говорить. <i>Перевод А. Тишкова</i>	70
Торговка пудрой. <i>Перевод А. Тишкова</i>	71
Как Чжэнь Чжун ослушался бога земли. <i>Перевод А. Тишкова</i>	72
Как зарубили привидение. <i>Перевод А. Тишкова</i>	74
Любовь с первого взгляда. <i>Перевод А. Тишкова</i>	75
Изголовье из кедра. <i>Перевод А. Тишкова</i>	76
Тощая душа. <i>Перевод А. Тишкова</i>	76

Продолжение историй Ци Се

Странная встреча. <i>Перевод А. Тишкова</i>	79
Богиня храма Цинси. <i>Перевод А. Тишкова</i>	81
Желтый воробей с горы Хуаинь. <i>Перевод А. Тишкова</i>	82

Рассказы о необычайном

Золотой петух. <i>Перевод А. Тишкова</i>	84
Как Ван сжег вурдалака. <i>Перевод А. Тишкова</i>	85

Рассказы о потустороннем мире

Неожиданная находка. <i>Перевод А. Тишкова</i>	87
--	----

Духи-мстители

Братья. <i>Перевод А. Тишкова</i>	89
Мечь кушца. <i>Перевод А. Тишкова</i>	91

Записки о храмах Лояна

Дух реки Лошуй. <i>Перевод А. Тишкова</i>	92
---	----

Записки о забытом

Жизнеописание Сюэ Лин-юнь, возлюбленной императора Вэнь-ди. <i>Перевод А. Тишкова</i>	94
---	----

Ван Ду

Волшебное зеркало. <i>Перевод А. Тишкова</i>	97
--	----

РАССКАЗЫ О НЕОБЫЧАЙНОМ

СБОРНИК ДОТАНСКИХ НОВЕЛЛ

Перевод с китайского

Редактор *Л. М. Кроткова*
Младшие редакторы *Г. А. Булова*
и *Г. С. Горюнова*
Художник *А. А. Юсупова*
Художественный редактор *Э. Л. Эрман*
Технический редактор *М. Б. Погоскина*
Корректор *Т. А. Алаева*

Сдано в набор 8/II-1977 г. Подписано к печати
16/VIII-1977 г. Формат 84×108¹/₃₂. Бум. № 2.
Печ. л. 3,5. Усл. п. л. 5,88. Уч-изд. л. 5,76.
Тираж 15 000 экз. Изд. № 3746. Зак. № 345.
Цена 50 коп.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

Тула. Тип. издательства «Коммунар»
ул. Ф. Энгельса, 150

Цена 50 коп.

